

Генштабисты антибольшевистских армий в красном плену. 1917—1922 гг.

А.В. Ганин

В 1919—1920 гг., когда Красная армия занимала все новые территории и ликвидировала контрреволюционные очаги, участились случаи попадания в советский плен представителей военной элиты антибольшевистского лагеря — выпускников и слушателей Николаевской военной академии, офицеров Генерального штаба белых и национальных армий. Вопрос о пленных белогвардейцах далек от того, чтобы считаться изученным. Сформировавшимся стереотипом общественного сознания стали представления о поголовном истреблении пленных белых офицеров, причем подобные утверждения встречаются порой и на страницах серьезных изданий. Попытаемся разобраться в реальной картине событий.

Офицеры-генштабисты попадали в плен как в результате массовых сдач, так и поодиночке. Причины этого явления различны. Свою роль играло естественное патриотическое желание бывших офицеров русской армии не покидать родину и не скитаться по чужим странам. Часть офицеров стремилась остаться в родных местах даже при смене власти. Некоторых привлекала служба в Красной армии, доказавшей в сражениях гражданской войны свою высокую боеспособность и разгромившей всех врагов. Сказывалось и разочарование в борьбе, усталость от войны, стремление к мирной жизни. Иногда офицеры сдавались в плен и непосредственно в ходе боев, оказавшись в безвыходном положении, не имея возможности куда-либо эвакуироваться или отступить, те, кто находился в беспомощном состоянии — например, заболевшие. Прямое дезертирство и добровольный переход на сторону красных были распространены намного меньше обратного процесса — дезертирства от красных к их противникам, что было обусловлено самой природой противоборствовавших сторон гражданской войны. По оценке Р.М. Абинякина, добровольные сдачи в плен свидетельствовали не только об обреченности противников большевиков, но и об их мужестве ввиду неопределенности служебных и жизненных перспектив, а также о мировоззренческом переломе¹.

Пожалуй, первым случаем массового перехода генштабистов к красным стали события на Украине на рубеже 1918—1919 гг., связанные с падением

Ганин Андрей Владиславович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, редактор журнала «Родина».

режима гетмана П.П. Скоропадского и приходом к власти радикальных украинских националистов. Тогда немало офицеров поспешило присоединиться к красным. Как показывал на следствии по делу «Весна» бывший войсковой старшина ² украинской гетманской армии А.И. Батрук, «более чем десятимесячное пребывание в рядах армии Украины убедило меня в неустойчивости государственной власти, политика которой расходилась со стремлением основной массы населения»; видя «вытекающую отсюда слабость армии», Батрук пришел «к убеждению, что мое решение, принятое весной 1918 г., было неправильно, и поэтому я решил не связывать свою судьбу с У.Н.Р., с ее армией, а остаться в Киеве и ждать прихода Красной армии; понятно, что об этом решении я ничего не говорил своим сослуживцам по Главному штабу. По занятии Киева Красной армией я был, после соответствующей регистрации, назначен на службу в штаб Киевского окружного комиссариата, а затем переведен в центральное бюро связи и информации при штабе Наркомвоен Украины на должность помощника начальника названного бюро» ³. Следующий период массовых сдач в плен на Юге относится уже к 1920 году.

В разгар гражданской войны с пленными генштабистами не церемонились, особенно в удаленных от центра регионах, слабо контролировавшихся Москвой. Известен, например, случай расстрела в 1919 г. бывшего генерала М.В. Баскова, поступившего на службу в Красную армию и служившего начальником оперативного отделения оперативного управления штаба армий Украинского фронта, только за то, что он годом ранее имел неосторожность сфотографироваться с гетманом Скоропадским ⁴.

Предписания о том, как надлежит поступать с пленными в случае их приема в РККА, относятся еще к 1919 году ⁵. Пленных полагалось направлять на другие фронты. Вопросом о пленных в советской России ведала Центральная коллегия о пленных и беженцах (Центропленбж), созданная весной 1918 г. для урегулирования вопроса о пленных и беженцах первой мировой войны. В 1919 г. ее функции были распространены на пленных и беженцев гражданской войны. Из ведения Наркомата по военным делам коллегия перешла в НКВД РСФСР. Работа в отношении военнопленных, в особенности бывших офицеров, проводилась в тесном контакте с органами ЧК. В 1919—1920 гг. руководил Центропленбежем (в 1920 г. реорганизованным в Центроэвак — Центральное управление по эвакуации населения) член коллегии ВЧК А.В. Эйдук, причастный к расстрелам бывших офицеров. Принимали участие в работе с пленными и представители военного ведомства, стремившиеся пополнить состав РККА квалифицированными кадрами с высшим военным образованием. Общие принципы обращения с пленными белыми офицерами, в том числе поступавшими в Красную армию, и соответствующие инструкции были разработаны и получили применение на практике только в 1920 г., когда стало ясно, что поток пленных возрастает. В качестве образца такого рода документов служила инструкция для 6-й отдельной армии, действовавшей на Европейском Севере России. ВЧК около 22 апреля 1920 г. разослала особым отделам фронтов и армий телеграмму об отношении к пленным офицерам. Они подразделялись на пять категорий: 1) офицеры-поляки; 2) генералы и офицеры Генерального штаба; 3) контрразведчики и полицейские чины; 4) кадровые оберофицеры и офицеры из студентов, учителей и духовенства, а также юнкера; 5) офицеры военного времени, за исключением студентов, учителей и духовенства. Представителей 1-й и 4-й категорий предписывалось отправлять в концлагеря, за поляками был предусмотрен особо тщательный надзор в связи с событиями советско-польской войны. 5-я категория подвергалась фильтрации, лояльных отправляли в трудовые армии, остальных в места заключения, как для 1-й и 4-й категорий. Представителей 2-й и 3-й категорий направляли в

Москву, в Особый отдел ВЧК ⁶. Таким образом, среди всех бывших белых офицеров офицеры-генштабисты вследствие своей значимости для красных выделялись в особую категорию учета, не подлежащую прямой отправке в концлагеря и иные места заключения.

Разумеется, на фоне потока пленных офицеров, исчислявшегося десятками тысяч человек ⁷, генштабисты были единичны; именно они представляли для красных наиболее ценный кадр специалистов. Большевицкая политика в отношении пленных отличалась дифференцированностью, одним из проявлений чего стало отношение к захваченным генштабистам.

В обращении управления по командному составу Всероссийского главного штаба в Политическое управление РВСР отмечалось, что «большинство быв[ших] офицеров, служивших в белой армии, принадлежат к трудовому классу, оказались в рядах белых случайно, часто автоматически, силою стечения обстоятельств, путем насильственной иногда мобилизации, что подтверждается часто массовыми их переходами при первом случае в ряды красных бойцов». Составлением специального приказа о бывших белых по просьбе Особого отдела ВЧК занимался комиссар Всероглавштаба Д.И. Курский. Руководство РККА стремилось не допустить создания вокруг бывших белых офицеров «атмосферы недоверия и гнета с одной стороны и чувства подавленности и изоляции с другой» ⁸.

После пленения бывшие белые офицеры ставились на введенный приказом РВСР № 1728/326 от 4 сентября 1920 г. и подтвержденный особым постановлением Президиума ВЦИК от 9 июля 1923 г. особый учет — местный и общий (центральный) — в штабах округов, фронтов и отдельных армий либо в управлении по командному составу армии Всероссийского главного штаба ⁹.

Фильтрацией бывших белых офицеров занимались Особые отделы ЧК. Пленные заполняли анкеты в трех экземплярах. Типовая анкета включала 38 пунктов и содержала предупреждение о строжайшей ответственности за неверные сведения или уклонение от ответов ¹⁰. Для проверки излагаемых сведений офицеру предлагали с интервалом в несколько дней заполнить не одну, а несколько однотипных анкет. Если сведения отличались, заполнявший анкету мог быть заподозрен в неискренности.

При фильтрации пленных учитывался характер деятельности офицеров в период их службы у белых. Чекисты старались не упустить карателей, лиц, участвовавших в расправах над партизанами и коммунистами. Например, колчаковский полковник В.Н. Кусов в конце 1920 — начале 1921 г. находился под арестом за причастность к расстрелам партизан во время службы у белых. В 1922—1923 гг. он вновь находился под следствием по тем же обвинениям. Успевший послужить у украинцев и у красных и оказавшийся в 1919 г. у белых бывший военный руководитель Одесского военного округа Генерального штаба генерал-лейтенант К.К. Литовцев (Шильдбах) сообщил военно-полевому суду Вооруженных сил на Юге России персональный состав членов Совета обороны Одессы. В результате один из членов Совета был белыми расстрелян ¹¹. Из-за этого сам Литовцев позднее оказался в крайне щекотливой ситуации, когда весной 1921 г. попал к красным в Сухуме. Военная коллегия Верховного трибунала 3 января 1922 г. приговорила его к расстрелу, однако приговор был смягчен и уже в ноябре того же года перебежчика освободили.

Значительный интерес представляют анкеты пленных колчаковских генштабистов, особенно в той части, где им приходилось изложить свои взгляды на революцию и гражданскую войну. Понятно, что от написанного в подобном разделе могла зависеть жизнь и судьба, поэтому в попытках мимикрии слабо ориентировавшиеся в политике люди были вынуждены придумывать ту или иную версию своих взглядов, которая, по их мнению, могла понравиться но-

вым властям. Бывший капитан Н.А. Плотников 7 февраля 1920 г. записал: «Сочувствую рабочему люду и трудящимся», отметил, что революция дает «новое усовершенствованное бытие и строительство, покоящееся на принципах свободы ч[елове]ка»¹². Бывший войсковой старшина В.Е. Шайтанов писал в анкете в январе 1921 г. о своем политическом настроении: «Рад всегда служить народу»¹³. Распространенным явлением было занижение офицерами в анкетах своего чина у белых, а также указание на службу не добровольно, а по мобилизации. Иногда предпринимались попытки сокрытия службы у белых: реальное участие в антибольшевистских формированиях заменялось в служебных документах вымышленными данными о службе в РККА. Иногда эти истории напоминали детектив, как в случае с колчаковским генералом А.Я. Крузе, белогвардейское прошлое которого в учетных документах РККА оказалось заменено фиктивными данными о службе у красных. Некоторые пленные всячески раздували и пытались излагать в выгодном для себя ключе истории о том, как их преследовали в период службы у белых. Штабс-капитан П.Я. Демин, еще в 1918 г. разжалованный у белых в рядовые «за недостойное для каждого военнослужащего поведение во время боя», в красном плену сообщал, что был разжалован якобы за отказ командовать сотней¹⁴. Разумеется, это было подано как акция неповиновения белым.

Массовые сдачи в плен высокопоставленных белых офицеров начались в конце 1919 — начале 1920 г. на Восточном фронте, где сложилась практически безвыходная для белых обстановка. Белым генштабистам в Сибири пришлось выбирать: или скрываться от преследующих красных в голодной и холодной тайге, или сдать в плен и тогда избежать страданий. Непримиимые отправились в суровый Сибирский Ледяной поход, другие же предпочли сдать, не видя смысла в продолжении затянувшейся, но уже проигранной войны.

Массовая добровольная сдача представителей командного состава, в том числе офицеров-генштабистов, состоялась в начале января 1920 г. под Красноярском. В плен частям 5-й советской армии добровольно сдалась большая группа офицеров, в том числе немало генералов, что свидетельствовало о деморализации командного состава колчаковских войск. Выпускниками и слушателями академии среди пленных были Б.А. Березин, Г.А. Владимиров, А.К. Гайко, Н.И. Герасимович, В.А. Гирш, Н.И. Гуммель, В.В. Каплинский, братья Б.Г. и Н.Г. Кривцовы, Г.В. Леонов, Насонов, Г.Ф. Одноглазков, Н.М. Переверзев, П.К. Семенов, И.М. Финицкий, Н.Ф. Щербинин¹⁵.

В докладной записке бывшего управления дежурного генерала штаба Восточного фронта о происшедшем отмечалось:

«I. Четвертого января сего года, когда эшелон дежурства стоял на перегоне ст. Монино — раз[ъезд] Бугач, стало известно, что главквосток¹⁶ бывший генерал Каппель оставил свой эшелон и со своим штабом (оперативным) уехал на лошадях в неизвестном направлении.

II. Предоставленные сами себе, все чины дежурства, от солдата до дежурного генерала, решили действовать самостоятельно и, несмотря на окружающие эшелон части (уже дезорганизованные) армии Колчака, настойчивые требования их начальников, часто в угрожающей форме, о выдаче им всех сумм полевого и главного казначейств, уполномочили бывшего коменданта эшелона принять самые решительные меры к спасению всего ценного имущества эшелона и начатию переговоров с Красноярским советом, для чего ночью со станции эшелона включились в прямой провод на Восток и скоро имели [на связи] Красноярск.

III. Бывший комендант товарищ Виталиев вначале имел разговор с представителем красноярского Ревкома на телеграфе товарищем Чеботаревым, а позже с начальником штаба главнокомандующего революционных войск. Кроме вопросов опе-

ративного характера, нам было предложено употребить все меры к охранению ценностей эшелона и организации эшелонного совета. Все было исполнено, но попытка пройти нашим делегатам через цепи белых успеха не имела. Пришлось сжечь ленту и усилить караул у денег. Лишь 6 января удалось войти в связь с[о] ст[анцией] Бугач и с 270-м Белорецким полком, откуда получили небольшую охрану (7-й роты тов. Ловягина) и уже 7-го нас сумели втянуть в Красноярск.

IV. Все были на местах и все было спасено от разграбления. Сдали: около 20 миллионов рублей (1 1/2 миллиона руб. керенками), серебро, станции полевого телеграфа, типографию, массу телефонного имущества, более 20 пишущих машин, 12 ящиков с канцелярскими принадлежностями (миллионное имущество), лошадей с запасом фуража и продовольствия.

V. Солдаты комендантской роты, писаря, б[ывшие] чиновники и бывшие штабные офицеры Дежурства — все остались на своих местах и как опытные специалисты, штабные работники, готовы честно работать в советской Российской социалистической федеративной республике.

VI. Начальником гарнизона г. Красноярска товарищем Лапиным эшелон как повстанческая часть в полном составе в эшелоне дежурства отправлен в г. Томск в распоряжение штаба V армии»¹⁷.

Документ составил начальник эшелона А.П. Беловский.

Всего в эшелоне дежурного генерала штаба Восточного фронта сдались в плен два генерала, 12 штаб-офицеров, 53 обер-офицера и военных чиновника. С этой же группой прибыли 10 генералов-генштабистов и 15 штаб- и обер-офицеров-генштабистов¹⁸. В целом одной лишь 5-й армией были взяты в плен более 30 выпускников академии, многие из которых занимали высокие командно-штабные должности в колчаковских армиях¹⁹.

К 4 февраля 1920 г. в разведывательном отделе штаба 5-й армии оказался зарегистрирован 31 пленный генштабист. В числе колчаковских пленных в советскую Россию вернулись и слушатели большевизированного ускоренного курса Академии, зачисленные летом 1918 г., но так и не доучившиеся. Среди вернувшихся были П.П. Бурин, Д.И. Вяткин, Ф.В. Егоров, Г.С. Иванов, Л.Н. Леви, К.И. Фиол, братья П.М. и С.М. Шаранговичи. Слушавших курс в течение месяца было решено не считать слушателями Академии, но держать на особом учете²⁰.

Пленных генштабистов нередко арестовывали, причем в то время арест использовался для проверки лояльности арестованных. Арестованных содержали в тюрьмах и лагерях. Например, бывшего подполковника П.Н. Соколова содержали в лагере военнопленных при Канском уездном военкомате²¹. Бывший генерал А.П. Перхуров — ветеран колчаковской армии и один из руководителей Ярославского антибольшевистского восстания в 1918 г. — был заключен в концлагерь «до окончания гражданской войны»²². Для некоторых офицеров преследования завершились расстрелом. Видный участник белого движения бывший капитан М.Н. Руссет, попав в плен, был арестован Красноярской ГубЧК²³, затем освобожден, прослужил некоторое время в РККА, но 30 августа 1920 г. был вновь арестован Омской ГубЧК и в конце марта 1921 г. расстрелян за шпионаж. Помимо концлагерей и тюрем белогвардейцев направляли на исправительные работы. Деникинский полковник В.Д. Мацнев, оставшийся в Азербайджане и захваченный красными, был направлен в отдельную рабочую роту военнопленных-белогвардейцев при государственном деревообрабатывающем заводе²⁴.

В целях облегчения своей участи пленные составляли различные прошения и ходатайства. Так, пленный колчаковец, бывший слушатель Академии Д.И. Вяткин, занявший у красных должность младшего помощника начальни-

ка штаба 30-й стрелковой дивизии по оперативной части, 26 января 1920 г. в Красноярске просил начальника штаба 5-й советской армии зачислить его в Академию Генерального штаба РККА для продолжения обучения. Аналогичное ходатайство подал бывший слушатель П.П. Бурин, занявший пост красноярского уездного военрука²⁵. Некоторые пленные в целях выживания пытались выдать себя за жертв белого режима, попавших в плен к белым, а не перешедших к ним добровольно в 1918 г. из рядов Красной армии. Порой такие рассказы приобретали полуанекдотический оттенок, а малозначительные служебные неприятности в белом лагере осознанно преувеличивались. Бывший подполковник С.Н. Колегов сумел добиться признания того, что он был захвачен белыми в плен, а не оказался в антибольшевистском лагере добровольно. Бывший полковник И.И. Чубаков утверждал, что был «Колчаком лишен чина и мундира за приверженность Советской власти» и сослан в Тобольск²⁶. Сведения о попытке предать этого офицера суду содержатся также в документах белых²⁷. При этом в списке офицеров Генерального штаба колчаковских армий к 24 февраля 1919 г. он указан в своем чине, без каких-либо ограничений. В начале 1920 г. генштабист был назначен для особых поручений при командующем 5-й советской армией²⁸.

Пленные белогвардейцы иностранного происхождения (или даже тех национальностей бывшей Российской империи, которые после гражданской войны обрели национальную государственность, как прибалты) имели возможность избежать преследований и уехать на родину. В частности, красными в январе 1920 г. на станции Тайга был взят в плен слушатель ускоренных курсов Академии в Томске поручик 1-го Югославянского полка Мартин Май, служивший у белых в штабе Сибирской армии. Офицер болел тифом. Выдержав непродолжительное тюремное заключение и лишившись всех документов, он в 1921 г. уехал на родину²⁹. В том же году был исключен из списков как иностранный подданный и уехал в Эстонию после непродолжительной службы в РККА бывший колчаковский капитан П.Г. Ойнас³⁰. Как уроженец Литвы, был уволен от службы в 1921 г. бывший деникинский капитан Н.П. Пашковский³¹. Бывший генерал А.Г. Лигнау собирался в 1921 г. уехать в Латвию, но остался из-за протеста супруги³².

Пленных колчаковских генштабистов Особый отдел 5-й армии в марте 1920 г. командировал в распоряжение начальника штаба Западно-Сибирского военного округа и далее в распоряжение начальника Всероссийского главного штаба³³. В Москву были направлены вместе с семьями Н.Н. Белкин, Ф.М. Бредш, П.К. Гренгаген, К.Г. Дегтярев, С.С. Дзюбенко, Г.К. Иванов, С.И. Ильин, С.Н. Колегов, А.С. Кононов, А.П. Колесников, Г.М. Кравец, А.Г. Лигнау, Н.А. Михайлов, Н.Д. Молотов, М.С. Перестай, В.Д. Песоцкий³⁴. Пленные остро нуждались во всем необходимым, в том числе в предметах обмундирования и белье. Кононов в рапорте на имя начальника штаба 5-й армии от 15 марта 1920 г. писал: «Часть генштабистов, выпущенных из тюрьмы, не имеет денег и голодает» и просил дать довольствоваться в столовой Михайлову, Колесникову, Колегову и Песоцкому. 16 марта 1920 г. подполковник Песоцкий подал начальнику штаба 5-й армии рапорт о том, что у него нет одежды. «Хожу, напр[имер], в чужих сапогах, которые должен возвратить перед отъездом», — писал бывший офицер. «Все мои личные вещи были взяты партизанами, что видно было из документов». С аналогичными просьбами обращался и подполковник Колегов³⁵. Командируемым в Екатеринбург и Челябинск из красноярского военного городка благодаря ходатайству Кононова выплачивали по 1000 руб. аванса.

Нередко не-генштабистов записывали в генштабисты. Возможно, это было простой ошибкой, но, быть может, делалось сознательно, чтобы спасти этих

людей от репрессий, поскольку к дефицитным специалистам Генерального штаба относились более бережно. В генштабисты записали даже знаменитого организатора женских ударных частей в 1917 г. М.Л. Бочкареву, которая на 1920 г. имела чин поручика³⁶.

Пленные были крайне ослаблены после всего пережитого, а в марте 1920 г. одна группа колчаковских генштабистов даже не смогла выехать в Москву из-за эпидемии тифа. Не могли выехать Белкин, Дзюбенко, Колегов, Колесников, Михайлов (оставшись в Сибири, этот офицер обреч себя на смерть, так как в июне 1920 г. был расстрелян в Омске)³⁷. Когда в марте 1920 г. колчаковских генштабистов в массовом порядке отправляли из Сибири в Москву, осталась группа в составе Г.П. Автономова, С.Н. Колегова, Н.М. Пресницкого, А.Н. Псарева, Л.М. Толубаева и В.Е. Шайтанова. Автономов, Пресницкий, Псарев и Шайтанов сдались красным в плен одновременно в составе группы из пяти колчаковских генштабистов³⁸. Их отправили в центр лишь 11 ноября 1920 г., а до этого пленных содержали в лагерях. Они писали в Полевой штаб РВСР с копией начальнику Особого отдела Петроградской ЧК: «11 ноября с.г. мы были с партией военнопленных армии Колчака, преимущественно офицеров, по распоряжению Омской губчека из Омского лагеря военнопленных отправлены в Москву, откуда по распоряжению ВЧК были переотправлены в Петроград и с 26 ноября с.г. находимся во 2-м Петроградском лагере принудительных работ особого назначения (Арсенальная набережная, 5), числясь содержанием за Особым отделом Петроградской Чека»³⁹. Все бывшие колчаковцы просили отправить их в Москву, в распоряжение Полевого штаба.

Характерна судьба выпускника ускоренных курсов капитана А.И. Мезенцева. Колчаковский офицер (начальник разведывательного отделения штаба Южной армии), он после пленения был арестован, но вскоре вышел на свободу. 4 февраля 1920 г. его вновь арестовал Особый отдел штаба 5-й армии в Красноярске, а затем Мезенцев был переведен в Омск и Москву. Содержался в Кожуховском концлагере. Освободился из-под ареста в Москве 4 августа 1920 года. Затем преподавал на 17-х пехотных командных курсах в Казани. 29 сентября 1921 г. при наведении служебной справки был вновь арестован в помещении ВЧК, как бывший колчаковский офицер. Как отмечал 14 октября 1921 г. сам арестованный,

«29 сентября 1921 г. я со сношением пом[ощника] комиссара Главного управления военно-учебных заведений пошел в ВЧК, дабы получить ответ “не имеет ли ВЧК препятствий о назначении меня на должность н[ачальни]ка мобилизационного отделения ГУВУЗа”. Запрос был сделан помкомиссаром ГУВУЗа ввиду того, что я служил в колчаковской армии. При наведении справок в 17-м отделении ВЧК меня арестовали. На мой вопрос, за что я арестован, получил ответ: за службу у Колчака. В Красной армии служу уже 2-й год. До назначения на службу в Красную армию я за службу в колчаковской армии прошел особый отдел ВЧК при штабме-5 в Красноярске, особый отдел представительства ВЧК при Сибревкоме в Омске, Особый отдел ВЧК в г. Москве и последним после допроса был освобожден 5 августа 1920 г. для назначения на должность в Красную армию. Всего следствие велось с 20 января 1920 г. до 5 августа 1920 года. Служа 2-й год в Красной армии, ни в чем предосудительном замечен не был и имею на этот счет удостоверение от комиссара и н[ачальни]ка политической части Приволжского окружного упр[авления] военно-учебных заведений, к[аков]ое отобрано при моем аресте. Приехал в Москву 8 сентября в отпуск после болезни брюшного тифа и стал ходатайствовать в ГУВУЗе о переводе меня из Казани в Москву»⁴⁰.

Мезенцев был заключен на 10 дней во внутреннюю тюрьму ВЧК, после чего переведен в Бутырскую тюрьму⁴¹, но так и не допрошен. В связи с

затягиванием дела 27 октября 1921 г. он обратился с повторным заявлением в Политический Красный Крест, в котором изложил обстоятельства ареста еще подробнее. Благодаря этому описанию можно представить механизмы работы особистов в конце гражданской войны в отношении бывших белых офицеров.

Мезенцев писал:

«В настоящий момент идет 5-я неделя как я арестован, но до сего времени *допрошен не был*. Арест мой произошел следующим образом. 29 сентября с.г. я пошел со сношением помкомиссара Главного управления военно-учебных заведений в Особый отдел ВЧК (Лубянка, 2), в коем просилось сообщить ему: «Не имеет ли препятствий ВЧК о назначении меня на должность начальника мобилизационного отделения». Запрос этот вызван был тем, что я ранее служил в колчаковской армии. Должность эта в ГУВУЗе была мне предложена начальником штаба ГУВУЗа на поданный мною рапорт с ходатайством о переводе из Казани, где я состою преподавателем 17-х пехотных командных курсов по тактике, а в Красной армии служу 2-й год. Придя [в] ВЧК, я пошел к управляющему делами и подал бумагу, и, видимо, его секретарь положил резолюцию — к гражданину Артузову; отправился я к нему, он, посмотрев сношение, сказал, что ответ будет дан скоро, но я попросил, что нельзя ли таковой получить сегодня, т.к. через два-три дня мне придется ехать на старую должность. Тогда т. Артузов положил резолюцию: 17 отд[еление] т. Иванову дать справку. Найдя 17 отд[еление], я подал, как видимо т. Иванову, бумаги с указанной резолюцией, он, посмотрев их, сказал: обратитесь, указав рукою к какому-то (фамилии не знаю), видимо его помощнику или секретарю, я подошел к нему, и он стал расспрашивать, кто я такой, где я служу и почему я в отпуску по болезни после тифа и у меня удостоверение по болезни от МОВСУ⁴², а не казанской комиссии, я ему ответил, что комендант города послал меня на переосвидетельствование, где я и получил взамен отобранных документов и выданных мне казанским военным госпиталем по постановлению комиссии того же госпиталя. Тогда, у меня отобрав пропуск и удостоверение личности, он куда-то ушел, затем вернулся и повел к другому лицу, где это лицо меня снова начало спрашивать о моей службе в колчаковской армии, а затем мне объявили, что я арестован. Но дело в том, что после моего добровольного пленения под г. Красноярском я прошел три Особых отдела: 1) Особый отдел при Штарме-5, где, за отсутствием конкретных обвинений, после 2 1/2 месячного заключения в тюрьме и лагере я был освобожден 2) Особый отдел представительства ВЧК при Сибревкоме в Омске, где тоже был освобожден и 3) третий раз в Москве Особый отдел ВЧК, где тоже после опроса следователями тт. Калинина и Цейтлина (точно не помню) был также освобожден 5 августа 1920 г. из Кожуховского лагеря. В данное время снова меня арестовывают при наведении справки, коя указана выше. Перевод я получил потому, что я перенес в течение почти одного года сыпной и брюшной тиф, и здоровье стало плохое, и при наличии голода в Казани, я не мог продолжить там службу, т.к. дороговизна на продукты стала повышаться очень сильно. Кроме того и сам климат, где малярия все время, т.е. весна, лето и осень, сильно действовал на мое подорванное здоровье. Обращаюсь к вам с просьбой о содействии моего освобождения, т.к. я уже за службу в колчаковской армии был после семи (7) месячного сидения по тюрьмам и лагерям освобожден самим же Особым отделом ВЧК, а за службу в Красной армии я ничем опорочен не был и в отобранных у меня документах есть удостоверение о моей службе в Красной армии. После брюшного тифа у меня сильное малокровие и вообще чувствую себя плохо. Прошу вашего содействия»⁴³.

Мезенцева в конце концов допросили. Следователь заверял его: «Вы будете выпущены из тюрьмы, я никогда не вру». До середины января 1922 г. он терпел, однако затем подал заявление, что если до 23 января 1922 г. не будет

ответа о его судьбе, он объявит голодовку. Не получив ответа, 24 января Мезенцев начал голодовку, сообщив об этом в Политический Красный Крест. Наконец, 7 февраля 1922 г. военспеца освободили. После освобождения он работал школьным учителем физкультуры. 22 апреля 1932 г. был арестован за антисоветскую агитацию, освобожден 22 июля 1932 г., лишившись права проживания в Московской и Ленинградской областях на три года. С 1935 г. проживал в Московской области, работая счетоводом плодокомбината им. Бадаева. В 1937 г. он был в последний раз арестован и расстрелян⁴⁴. Подобные мытарства бывших белых были типичным явлением той эпохи.

В заявлении другого пленного колчаковца, П.К. Семенова, говорилось:

«Уже истекает шестой месяц, как я, б[ывший] оф[ицер] Генштаба, служивший в армии Колчака, передал себя в распоряжение командования Красной армии в Сибири. Первые два месяца был арестован [при] обследовании ОО ЧК штарма и назначен в распоряжение нач[альника] Всеросглавштаба, а в дальнейшем через ГУВУЗ получил назначение на должность инструктора, впоследствии преподавателя [на] 1-х Московских кавалерийских ком[андных] курсах; с начала мая кроме того состоял сотрудником ГУВУЗа по организации слета ком[андных] курсов республики. Моя семья, мать-старуха и жена, после сыпного тифа, потеряв все свое имущество в Сибири разграбленным, лишены в настоящее время меня как работника, не имея абсолютно средств к жизни.

Все вышеизложенное побуждает меня просить вас:

1) Содействовать ускорению моего дела и назначению меня на службу (допрошен еще не был).

2) Переслать мое ходатайство, при сем прилагаемое, г. Брусилову»⁴⁵.

Пленные белогвардейцы наивно верили в чудодейственное вмешательство председателя Особого совещания при главкоме А.А. Брусилова, который в действительности был таким же, как и многие военспецы, подневольным работником.

Бывший генерал А.П. Перхуров писал в Политический Красный Крест в связи с арестом:

«19/V — [19]21 я был арестован у себя на квартире в г. Екатеринбурге во время выполнения данной мне из учреждения спешной работы и доставлен в Екатер[инбургскую] ГубЧК, где от меня потребовали показаний о каком-то заговоре в г. Екатеринбурге, во главе которого я якобы состоял. Не имея ни малейшего представления о существовании какого бы то ни было заговора, а тем более не имея никакого касательства, я, несмотря на примененные ко мне репрессии, никаких иных сведений дать не мог. Насколько мне известно, следствие выяснило, что фактических данных, подтверждающих существование заговора и моей причастности к заговору — нет.

Во время последних допросов в июне и июле м[е]с[я]ц[е] мне был задан вопрос: «Не был ли я в 1918 г. в Ярославле во время восстания?» На это я дал утвердительный ответ сразу и затем подробно изложил в письменном показании все, что знал относительно этого восстания и той роли, которую я в нем играл. Все это было написано мною в Екатеринбурге, и с тех пор меня не допрашивали, если не считать двух вызовов меня в Екатер[инбургскую] ГубЧК, где со мной беседовали, но не записывали моих слов, представители Советской власти, фамилии которых я не знаю. В Москве из Бутырск[ой] тюрьмы один раз вызывали в ВЧК, но вернули обратно без допроса. 2/X — [19]21 г. Бутырск[ая] тюрьма. В Ярославск[ом] восстании я командовал силами повстанцев и руководил обороной города. В общем нахожусь в заключении 19-й м[е]с[я]ц с 2 1/2 месяч[ным] перерывом, когда был в резерве при штабе Приур[альского] в[оенного] о[круга]»⁴⁶.

В другом заявлении, от 21 сентября 1921 г., Перхуров сообщил:

«Находясь в течение 1 1/2 года в заключении с перерывом в 2 1/2 месяца, перенес сыпной тиф, заболев цингой, я совершенно обессилел, т.к. кроме тюремного довольствия ничего не получал. Семья и родные находятся в таком положении, что помочь ничем не могут, да и связь с ними не установлена.

На основании изложенных причин обращаюсь с просьбой снабдить меня: 1) Хотя [бы] одной сменой белья, т.к. кроме одетого на мне, ничего не имею; 2) сменой теплого белья, а особенно теплыми портянками или носками и перчатками, т.к. руки и ноги обморожены еще в Японскую кампанию, и 3) съестными припасами, могущими поддержать падающие силы; 4) полотенцем и носов[ым] платком; 5) котелком или кастрюлькой для пищи и 6) если возможно, табаком и трубкой»⁴⁷.

Заговорщик и контрреволюционер был сочтен опасным и в июле 1922 г. расстрелян.

Бывший колчаковский полковник Л.А. Текелин, арестованный после пленения, писал:

«До настоящего времени я никакого участия в политических делах не принимал и оставался на строго беспартийной платформе. Во время революции оставался на своем посту в штабе I армии бессменно до полной демобилизации армии.

С организацией Красной армии поступил в штаб Приволжского военного округа.

С взятием Казани чехословаками попал в плен белых, где служил до взятия Красной армией Новониколаевска.

Как председатель Военного экономического общества Сибири я сдал общество красным и был приглашен [на] их службу в Центральное управление красноармейских лавок.

С приездом в Москву был откомандирован во Всероглавштаб, т.к. ЦУКЛ был[о] расформирован[о] и подходящей должности мне не оказалось.

ВЧК дал мне удостоверение на право служить в Красной армии, и я прослушал повторительные курсы для бывших офицеров и перед получением должности в органузпре или в ГУВУЗе был арестован»⁴⁸.

Позднее Текелин был расстрелян.

В мае 1921 г. был арестован Омской ГубЧК за службу в армиях Скоропадского, Деникина и Колчака, а в июле того же года расстрелян полковник С.Д. Григорьев.

Не все пленные с безропотной покорностью смотрели на аресты и расстрелы. Некоторые, будучи непримиримыми антибольшевиками, продолжали бороться. Группа пленных колчаковских курсовиков из числа гвардейских офицеров совершила побег из плена. Очевидно, эти пленные не рассчитывали на снисхождение Советской власти. Бежали бывшие подполковники барон Н.А. Деллингсгаузен 2-й и Д.А. Малиновский, причем последний бежал из Иркутска к забайкальскому атаману Г.М. Семенову. Беглецы прожили долгую жизнь в эмиграции. В 1920 г. из тюрьмы Благовещенска после полугодовой отсидки бежал генерал-майор К.И. Сербинович, затем продолживший службу в антибольшевистских формированиях Востока России. Это был уже не первый его побег. В конце 1918 г. Сербинович был арестован в Петрограде, однако бежал на Украину, поступил на службу к белым и уехал на Восток России, где и попал в плен к красным. В конечном счете Сербиновичу удалось благополучно эмигрировать. На Юге России происходили аналогичные случаи. Кубанский офицер Г.З. Семенихин в апреле 1920 г. попал в плен под Сочи, сумел бежать и вновь присоединился к белым, затем объявился в эмиграции. Пол-

ковник М.А. Завгородний в 1918—1919 гг. служил в украинских формированиях, затем оказался в РККА, перешел к белым, эмигрировал в Болгарию, позднее вернулся к белым, попал в плен, некоторое время прослужил в РККА, после чего был зарегистрирован в Русской армии генерала П.Н. Врангеля, а затем из эмиграции приехал в советскую Россию и опять оказался в РККА. Таким образом, к красным он попадал трижды.

Еще одним участком Восточного фронта, где была пленена целая группа колчаковских генштабистов, стал фронт против уральского казачества. Здесь в 1920 г. также оказались в крайне тяжелой ситуации, в походе по голодным ледяным степям сотни офицеров, среди которых были и генштабисты. Многие из них сдались в плен. Интересно свидетельство полковника И.А. Антипина, данное в ходе допросов по делу «Весна». Антипин вспоминал, что служил в РККА, но летом 1919 г. при обыске у матери было обнаружено его наградное оружие, и ему пришлось бежать к уральским казакам. Антипин участвовал в отступлении остатков Уральской армии до Форта Александровского и далее в составе отряда атамана В.С. Толстова отступал в Персию, но 29—30 апреля 1920 г. в районе залива Кара-Богаз-Гол часть отряда с Антипиным отделилась; эти 22-24 человека сдались в плен ⁴⁹.

«После этого нас передали в красноводский Особый отдел, — сообщил Антипин, — затем [в] Асхабадский Особый отдел (при штабе 1-й Красной армии), отсюда были переведены в Особый отдел штаба Туркфронта, откуда 10—11 ноября 1920 г. я был по амнистии освобожден и в декабре 1920 г. в составе быв[ших] белых офиц[еров] (3 вагона без конвоя) были направлены в Москву, где [мы] встали на особый учет при штабе Моск[овского] военн[ого] округа. По прибытии в Москву я сначала работал по разгрузке дров на вокзале (с конца декабря до апреля 1921 г.). С апреля месяца 1921 г. работал в разных госучреждениях на разных низко оплачиваемых должностях до февраля 1928 года» ⁵⁰.

В других показаниях Антипин отмечал, что сдался в плен по причине трудности похода по безводной пустыне и слабого здоровья после перенесенного сыпного тифа, а также в связи с недоверием атамана Толстова к неказакам и из-за разочарования в белых ⁵¹. В период 5-7-дневного пребывания в красноводской тюрьме пленных допросили. В Асхабаде также был проведен допрос, а вызов в Ташкент поступил от командующего Туркфронтом М.В. Фрунзе. При этапировании в Ташкент пленные были оставлены без присмотра на станции Катта-Курган, после чего добирались в Ташкент самостоятельно. В Ташкенте Антипина, как ранее служившего в РККА, изолировали от остальных. Он был заключен на три недели в тюрьму Особого отдела Туркфронта, которым руководил известный чекист Г.И. Бокий. Коллегия Особого отдела приговорила Антипина к пяти годам концлагеря, после чего 23 июня 1920 г. он был переведен в ташкентский исправительный дом. Однако 11 ноября последовала амнистия.

Как показал Антипин, «по освобождении я обязан был явиться в распоряжение штаба Туркфронта, чтобы встать на учет, но штаб Туркфронта не мог сделать этого без визы Особого отдела, и меня обязали явиться вновь в Особый отдел. Поступив там в распоряжение следователя, меня вновь начали опрашивать, подтвердив ранее данные мною показания, я был штабом Туркфронта взят на учет» ⁵². В Москве Антипин состоял на особом учете как бывший белогвардеец вплоть до 2 ноября 1927 г., когда был снят с учета постановлением ЦИК СССР, упразднившим особый учет бывших белых офицеров и военных чиновников в СССР.

Касаясь Уральской армии и пленения ее командного состава, нельзя не упомянуть о начальнике штаба этой армии генерале Владимире Ивановиче

Моторном, старший брат которого, Виктор, на протяжении всей войны служил у красных. В своих показаниях по делу «Весна» В.И. Моторный писал:

«Февральскую революцию встретил несочувственно. Октябрьскую — с недоумением. Мне казалось тогда, что небольшая группа лиц захватила власть в свои руки, но что этот захват ненадолго. Все это привело меня в стан активных борцов против Советской власти. По окончании гражданской войны, которую я провел в должности начальника штаба Уральской белой армии, мне была сохранена жизнь, и я был принят в ряды РККА. Это меня примирило с Советской властью, и я начал, как мне казалось, честно ей служить»⁵³.

Пленных белых офицеров с 1920 г. направляли на ускоренные трехмесячные курсы политической и военной подготовки (каждые курсы на 1000 человек)⁵⁴. Для бывших генштабистов в 1920 г. работало специализированное учебно-воспитательное учреждение — ~~воспитательные курсы для бывших офицеров, учившихся в~~ академии Генштаба. На эти курсы, в частности, были направлены К.В. Акутин, М.П. Базыленок, И.М. Богацкой, Ф.М. Бредш, А.Н. Власенко, В.К. Головкин, М.З. Дьяконов, С.И. Земцов, С.И. Ильин, А.Г. Колчин, А.И. Мезенцев, Н.А. Морозов, В.И. Моторный, Б.М. Перепеловский, В.Н. и М.Н. Пестряковы, Н.В. Соколов, Л.А. Текелин, В.Н. Цедерберг, Л.Н. Шибаяев, М.Е. Шохов. По другим документам, курсы именовались временными повторительными курсами для бывших офицеров, занятия проходили в бывшем ресторане «Прага» на Арбате и длились три недели. Слушатели размещались в том же здании, где имелось общежитие, получали солдатский паек⁵⁵. Руководил курсами бывший Генштаба полковник В.Я. Жуков. Пленным читали курсы из программы военных училищ, разъясняли устройство РККА, преподавали политграмоту и историю последних войн. Военные предметы вели преподаватели академии Генерального штаба РККА, военные специалисты, в том числе из бывших офицеров Генерального штаба. Лекции по авиации читал В.Н. Гатовский, курс организации РККА — А.Е. Гутор, «важно заявлявший, что он достиг большого доверия среди коммунистов и около него нет даже комиссара. Историю последних войн и причины их поражений читал Верховский, бывший военный министр при Керенском. На менее интересных лекциях слушатели, а иногда и сам профессор засыпали, что объяснялось общей слабостью на почве недоедания. Все профессора обращались к нам — господа — и никогда не называли товарищами, исключение представлял один Гутор». Бывшие белые с трудом воспринимали политическую грамоту, не относились к ней всерьез. Кроме того, им казалось, что военспецы-профессора испытывали плохо скрываемую неловкость перед пленными. Сами пленные стремились воспользоваться курсами, чтобы, как вспоминал кубанский казачий офицер Ф.И. Елисеев (не генштабист), «получить легальную свободу и устроить свою судьбу, кто как умеет или найдет возможность»⁵⁶. Лучшим лектором считался А.И. Верховский, державший на протяжении часа в напряжении аудиторию в 500 слушателей. По окончании учебного процесса на курсах Верховский собрал вокруг себя группу слушателей — старших офицеров (генералов и полковников) и вдруг спросил: «Господа!.. Как могла разбить вас эта сволочь?»⁵⁷ Ускоренные курсы политической и военной подготовки были упразднены по миновании в них необходимости 11 января 1921 г., слушатели подлежали передаче в резерв округов по месту нахождения курсов⁵⁸.

В связи с острейшей нехваткой в РККА квалифицированного комсостава многие пленные довольно быстро стали получать новые ответственные назначения. Например, в январе 1920 г. в Гурьеве был взят в плен выпускник академических курсов в Томске капитан Поспелов, ранее занимавший пост

начальника штаба 4-й Илецкой дивизии белых. Начальником 25-й стрелковой дивизии И.С. Кутяковым офицер был оставлен в штабе дивизии для работы, поскольку, как впоследствии свидетельствовал сам Кутяков, «тогда все красные сотрудники были больны тифом. За короткий срок, благодаря своим большим знаниям, т. Пospelов был оставлен в дивизии и не отправлен в концентрационный лагерь»⁵⁹. Впоследствии Пospelов участвовал в советско-польской войне. Примечательно, что специалистом с «большими знаниями» был назван всего лишь выпускник младшего класса сибирских ускоренных курсов, прочувшийся в академии не более четырех месяцев. Исходя из этого, нетрудно представить уровень военных знаний других работников штаба дивизии. Бывший генерал П.С. Максимович стал военным руководителем Сибирского окружного военкомата, бывший ротмистр А.К. Хведкевич — заведующим 1-м отделением мобилизационной части административно-мобилизационного отдела Енисейского губвоенкомата, бывший полковник А.А. Мирошников был зачислен в резерв комсостава при Енисейском губвоенкомате, бывший подпоручик Л.Н. Климонтович получил назначение вр. и.д. старшего инструктора Всеобуча Красноярского уездного военкомата. Некоторые выпускники колчаковских ускоренных курсов академии устроились на преподавательскую работу уже в Сибири в 1920—1921 годах. Позднее часть из них подвергалась арестам за белогвардейское прошлое.

То же происходило на Юге России. Начальник оперативного управления Отдельной Кавказской армии П.М. Стрыхарь и военком Черняев в июле 1921 г. ходатайствовали перед начальником оперативного управления Штаба РККА об оставлении при штабе армии бывшего слушателя ускоренных курсов К.В. Чугункова, как знатока Кавказа⁶⁰. Судя по всему, Чугунков ранее служил у белых.

В организации службы пленных в РККА действовали серьезные ограничения, свидетельствовавшие о вдумчивом отношении к этому вопросу. В каждой воинской части их численность не должна была превышать 15% комсостава (то же касалось и гражданских учреждений⁶¹). Пленных предписывалось не назначать на службу в те места, где произошло пленение или добровольная сдача, требовалось также избегать назначений по месту рождения или постоянного жительства. Это условие строго соблюдалось в отношении казаков⁶². В течение первого года службы бывшие белые офицеры не могли пользоваться отпуском, а по истечении года снимались с особого учета. Порядок снятия с особого учета определялся приказом РВСР от 14 мая 1921 года⁶³. Ходатайствовать о снятии с учета должны были сами пленные. Но снятие с учета было фикцией, поскольку бывшим пленным продолжали не доверять, выделяли их из общей массы, накладывали ограничения (например, запрещалось проживать в приграничной зоне), постоянно перерегистрировали, а сведения об их прошлом находились в органах госбезопасности⁶⁴.

К 1 января 1921 г., по данным отчета Наркомата по военным и морским делам, на особом учете в Красной армии находилось около 12 тыс. бывших белых офицеров и, видимо, унтер-офицеров, что составляло 5,53% комсостава РККА. На протяжении 1921 г. было принято на учет еще 2390 человек, 4000 переведены в Наркомат труда, а затем уволены в бессрочный отпуск. В конечном счете на службе осталось 1975 человек или 2,3% комсостава, «из которых 33,3% увольнению вовсе не подлежат, как высококвалифицированные специалисты»⁶⁵. Белые пленных красных командиров ценили куда меньше.

Согласно Временным правилам использования бывших офицеров и военных чиновников из числа военнопленных и перебежчиков белых армий в гражданских и военных учреждениях (приказ РВСР от 11 января 1921 г.), бывшие белые офицеры и военные чиновники подлежали передаче в Народный комис-

сариат труда для использования в гражданских учреждениях. В военном ведомстве полагалось использовать лишь высококвалифицированных военспецов с высшим военным образованием, причем только в Главном управлении военно-учебных заведений (ГУВУЗ), Главном военно-инженерном, Главном артиллерийском и Главном хозяйственном управлениях. Также в ГУВУЗе могли использоваться и лица без высшего военного образования, но признанные соответствующими использованию в военно-учебном ведомстве. Особо отмечалось, что «генштабисты подлежат использованию только для ГУВУЗа и академии Генерального штаба»⁶⁶.

Несколько генштабистов были взяты в плен на Севере России. Отношение к ним здесь, в целом, было более суровым, чем на Юге и Востоке. 21 февраля 1920 г. части РККА вошли в Архангельск. Тех, кто не успел эвакуироваться за границу, ждала тяжелая участь. Из Архангельска некоторое время никого не выпускали; проводилась регистрация офицеров, а затем еженедельные перерегистрации и репрессии. В феврале—марте были расстреляны генерал-лейтенант П.М. Баранов и штабс-ротмистр Л.П. Червинский, в сентябре — полковник И.С. Кашуба, несколько позднее, после годичного пребывания под арестом — полковники Н.А. Волков и Л.В. Костанди. При попытке перебраться в Финляндию в районе Онеги была арестована и доставлена в Москву супруга генерала С.С. Саввича. Задержана была и супруга генерала Ключева (впоследствии все же оказалась в эмиграции)⁶⁷.

Пленные белогвардейцы на Севере, как и в других регионах, заполняли анкеты для бывших офицеров белых армий. В документах требовалось точно указывать данные о семейном положении, сведения о родителях, адреса, занимаемые должности (особо выделялась служба в полиции до 1917 г.), о состоянии здоровья, добровольно или по мобилизации служили у белых, в каких боях участвовали, особо выделялась графа о попадании в плен индивидуально или при массовой сдаче. Кроме того, запрашивали наименование Особого отдела, через который проходили пленные, место и причину ареста. Следовало осветить участие во всех революциях, отношение к ним (если не сочувственное, то почему), политические настроения, партийность, наличие родственников в РККА и у белых (в том числе на территории белых), а также служивших в полиции до 1917 года. Наконец, требовалось указать двух видных советских или партийных работников, знавших анкетированного⁶⁸.

Интересно дело полковника Л.В. Костанди. Этот способный и достойный офицер, по всей видимости, разочаровался в белом движении и при эвакуации решил остаться на Севере в качестве командующего Архангельским округом и коменданта города, видимо, стремясь в Советскую Россию. Он сам заявлял, что за границей ему не место⁶⁹. Кроме того, полковник предполагал, что в советской России его ждут жена и дети (в действительности они перебрались в Прибалтику). По другой версии, Костанди остался якобы «с ведома главнокомандующего и по просьбе профессиональных союзов»⁷⁰ с целью спасти оставшихся в Архангельске белых офицеров⁷¹. При этом первая версия не исключает второй.

В период смены власти на Севере он действительно играл видную роль, но с занятием Архангельска красными судьба Костанди стала незавидной. Отношение к оставшемуся офицеру вызвало возмущение члена РВС 6-й армии Н.Н. Кузьмина, телеграфировавшего в Москву 13 марта 1920 г.:

«Срочно. Секретно. Вне очереди по обоим адресам. Москва. ВЧК Менжинскому, копия Реввоенсовет Республики. Архангельск. 13 марта. Я просил [и] настаиваю выделить вопрос [о] генштаба Костанди. Просил Реввоенсовет Республики, если он не желает его знания использовать широко, дать мне наштадивом⁷². За верность его

ручаюсь своей головой. Человеку, расстрелявшему более четыреста офицеров, можно поверить, когда он ручается за одного. Эйдук вообще скрывает всю мою политическую работу [в] Архангельске и расходится мнением [с] нач[альником] Особ[ого] отдела. Прошу, если Реввоенсовет Республики согласен, прошу Костанди не арестовывать и разрешить мне его доставить [в] Москву или отдать мне [в] мое распоряжение. № 127. Член Реввоенсовета 6 Н. Кузьмин»⁷³.

Однако Кузьмин не добился своего, и Костанди 14 марта 1920 г. был арестован Особым отделом 6-й армии за службу у белых. Из Архангельска он 25 марта был доставлен в Москву, где помещен в Кожуховский лагерь и числился за Особым отделом ВЧК. После года, проведенного в заключении, 37-летний полковник был расстрелян в апреле 1921 года. По одной из версий, в связи с восстанием в Кронштадте⁷⁴.

Не пощадили большевики и другого ветерана антибольшевистских формирований на Севере России, бывшего ординарца легендарного «белого генерала» М.Д. Скобелева полковника И.С. Кашубу. Офицер знал несколько восточных языков, но даже это не спасло его от расстрела осенью 1920 г., хотя большевики активно разрабатывали тогда планы советизации стран Азии. Очевидно, информация об этих знаниях Кашубы попросту не дошла до заинтересованных органов в Москве. Расстрелян он был по распоряжению архангельских чекистов. На Север высылали пленных и с других фронтов, прежде всего — захваченных на Юге и на Востоке России. Их участь нередко определялась решениями тройки Особого отдела охраны северных границ республики. Решениями этого органа были приговорены к расстрелу бывшие колчаковские офицеры Л.А. Текелин, И.М. Чебеняев⁷⁵. Таким образом, ничто не могло защитить пленных от произвола на местах. Аналогичные факты известны и по другим регионам. В Сибири бывший полковник Генерального штаба В.В. Ракитин весной 1920 г. был приговорен ликвидационной комиссией ВЧК 5-й армии к заключению в концлагерь за приверженность правительству Колчака⁷⁶ и расстрелян по единоличному решению полномочного представителя ВЧК по Сибири И.П. Павлуновского⁷⁷.

В целом же красные довольно последовательно проводили в жизнь тотальный учет бывших белых генштабистов, имевших хоть какое-то отношение к учебе в академии, стараясь использовать в своих интересах максимум специалистов. В 1921 г., по окончании широкомасштабной гражданской войны, на них составляли отдельные списки с указанием занимаемых должностей. Всероссийский главный штаб 13 октября 1920 г. информировал штаб Беломорского военного округа о том, что учету подлежат «все когда-либо обучавшиеся в академии Генштаба лица, хотя бы и не закончившие курса»⁷⁸.

В этой связи закономерно и то, что на службу брали генштабистов, окончивших академию в Белой Сибири. Начальник Штаба РККА П.П. Лебедев в мае 1922 г. писал о необходимости «причисленных к Генеральному штабу сибирским правительством считать по Генер[альному] штабу»⁷⁹. Проверить данные о наличии у пленных академического образования, полученного там, красные не могли. Эта проблема была отмечена уже в конце 1920 года⁸⁰. Затруднения возникали и с другими офицерами, заявлявшими о своем обучении в академии. Например, 31 марта 1920 г. начальнику Полевого штаба РВСР из Ейска была направлена докладная записка некоего Н.И. Карасева. Он писал:

«Прослужив 19 месяцев в Красной армии и занимая в течение последних 9 месяцев должность завуча (номер неразборчив. — А.Г.) Советских пех[отных] курсов, попал в плен к белым, состоял под судом и следствием деникинской контрразведки и сидел в заключении в г. Ейске. В настоящее время, когда я снова среди моих красных

товарищей, прошу вашего распоряжения о назначении меня на службу, где бы я мог положить все силы и знания на пользу революции как бывший капитан, окончивший военное училище мирного времени и академию Генштаба геодезическое отделение военного времени (курс 8 месяцев)»⁸¹.

В нашей базе данных, включающей сведения обо всех слушателях ускоренных курсов, Карасев не числится. Нельзя исключать того, что, зная о заинтересованности красных в использовании бывших генштабистов, стали появляться пленные, выдававшие себя за эту категорию лиц, но отношения к ней не имевшие.

Множество пленных оказалось захвачено на Юге России. Еще в феврале 1920 г. советское командование предполагало, что в районе Херсона и Одессы в числе пленных могут быть обнаружены генштабисты, о чем начальник оперативного управления Полевого штаба РВСР Б.М. Шапошников сообщал начальнику штаба Юго-Западного фронта 23 февраля 1920 года. Предположения Шапошникова вскоре подтвердились, так как в Одессе штабом 14-й армии такие лица среди пленных действительно были зарегистрированы⁸².

Как и в других местах, пленные на Юге заполняли анкеты, где нужно было указывать свои политические взгляды. Деникинский полковник М.Ф. Костенко указал в анкете: «Стою на платформе Советской власти (сторонник коммунистического строительства)» и заявил, что сочувствует компартии⁸³. Бывшие белые, как и на других фронтах, живописали ужасы своего подневольного пребывания в антибольшевистском лагере. Например, бывший капитан А.Я. Яновский, попавший к белым осенью 1919 г. при занятии деникинцами Курска, свидетельствовал о том, что был арестован, подвергался побоям и лишь благодаря заступничеству прежних товарищей сумел освободиться, но и после освобождения оставался под следствием и надзором курского уездного воинского начальника⁸⁴. Проверить достоверность многих подобных рассказов не представляется возможным, но известно, что обратно в РККА Яновский попал в декабре 1919 г. в том же Курске. Впоследствии Яновский, несмотря на белогвардейское прошлое, был награжден орденом Красного знамени за операции в Грузии.

В плен попадали и генштабисты украинских армий, в их числе был и полковник Генерального штаба Н.Е. Какурин. Рассуждая впоследствии о своем переходе к красным весной 1920 г., Какурин отмечал:

«Твердых оформленных политических убеждений, которые можно было бы назвать советскими, у меня тогда еще, по совести говоря, не было, но, предлагая свои услуги для борьбы на польском фронте, я, как теперь себя анализирую, исходил, по существу, из прежней установки и видел в Красной армии, наконец, ту армию, которая явилась для меня действительной русской армией, значит, я тогда действовал еще из чисто патриотических убеждений»⁸⁵.

7 мая 1920 г. Какурин, прибывший в столицу 1 мая, был арестован в Москве Особым отделом ВЧК. Какурин не был допрошен, ему задали лишь несколько незначительных вопросов. Генштабист жаловался в московский Политический Красный Крест. По его словам,

«сущность дела заключается в том, что, по-видимому, *Особый отдел ВЧК* инкриминирует мне исполнение должности 2-го генерал-квартирмейстера украинского генерального штаба в начале 1918 года. Дело обещали рассмотреть через 2-3 недели, но до сих пор не допрошен. Поясняю, что должность 2-го генерал-квартирмейстера была исключительно административно-научно-хозяйственная, не имела никакого

отношения к боевым действиям и вообще я никогда против России и советских войск, принципиально уклоняясь от борьбы на внутреннем фронте, участия не принимал, в период моей украинской службы все время сражаясь на польском фронте, *за что и попал в польский проскрипционный список*, при первой возможности добровольно явился в Москву в Всероссийский главный штаб. В ряде заявлений в Особый отдел ВЧК, Всероглаштаб и н[ачальни]ку оперативного управления полевого штаба Реввоенсовета республики, ходатайствую о разборе моего дела и скорейшей отправке меня на фронт. Арестован и не допрошен уже 2-й месяц.

Прошу выяснить *положение моего дела* и решение моей участи. Н. Какурин»⁸⁶.

По освобождении генштабиет поступил на службу в РККА и блестяще там себя проявил.

Весной 1920 г. на Северном Кавказе сдалось в плен командование Кубанской армии генерала Н.А. Морозова. Генерал В.А. Замбрицкий свидетельствовал о вере Морозова в возможность примирения с красными, о его разочаровании в белом движении и готовности воспринять советскую идеологию как новую государственническую идею. Основой таких взглядов, по мнению Замбрицкого, стали надежды на установление в стране твердой власти в противовес хаосу у белых⁸⁷. Любопытно совпадение этой оценки со свидетельством самого Морозова из показаний по делу «Весна»:

«Крах Деникина и моральное разложение кубанских и донских частей показали мне, что белому движению пришлось иметь дело не с анархией, а с каким-то более прочным государственным образованием. Однако я считал, что для меня, как для белого, дорога в сов[етскую] Россию закрыта, пока случайный разговор по телефону с включившимся красным командованием 34-й дивизии не дал мне мысли о возможности мирно покончить бесцельную борьбу, причем мне, за бегством старших начальников, пришлось остаться с казаками за старшего.

Я переходил на сторону красных с весьма смутным представлением о Соввласти, считая ее, однако, единственной государственной властью и интересуясь вместе с моими товарищами тем загадочным строительством, которое ведется в стране.

Действительность 1920 года при близком знакомстве с нею меня сначала разочаровала; мне вскоре стало ясно, что военный коммунизм не удержится, я полагал, что он будет сметен стихийным крестьянским движением, с которым уцелевшим из нас придется иметь дело.

Опыт Кронштадта, тамбовского, махновского и пр[очих] крестьянских движений убедил меня, что анархия, как неизбежный их спутник, грозит стране развалом, иностранным вмешательством, закабалением и реакцией»⁸⁸.

Свидетельство Морозова достоверно. Его телефонный разговор с вр. и.д. начальника 34-й стрелковой дивизии РККА П.В. Егоровым привел к мирным переговорам с красными в районе Сочи возле грузинской границы. Переговоры кубанских представителей во главе с атаманом Н.А. Букретовым и командования 34-й дивизии привели к заключению перемирия и капитуляции Кубанской армии белых 21 апреля (4 мая) 1920 года. По данным самого Морозова, при сдаче в плен были зарегистрированы 34 тыс. казаков⁸⁹.

Морозов вспоминал о своих мытарствах после сдачи красным: «После перехода я находился в концентрационном лагере в г. Костроме до августа м[еся]ца 1920 г., откуда отправлен был в г. Москву в распоряжение штаба Московского округа на курсы белых офицеров. После прохождения этих курсов, длившихся около м[еся]ца, я был назначен преподавателем военной академии в г. Москве». Среди пленных действия Морозова оценивались по-разному. Многие были недовольны окончанием борьбы с большевиками и сдачей в

плен, считали Морозова предателем⁹⁰. Часть пленных была привлечена к службе в РККА в связи с эскалацией советско-польской войны.

Некоторые попадали в плен в беспомощном состоянии, что, однако, не смягчало отношения к ним. Например, курсовик В.З. Макшеев был захвачен красными в больнице Полтавы, где лежал в тифу. В мае 1920 г. он без документов добрался до Москвы и подал рапорт начальнику Всероссийского главного штаба о прибытии. Направленный из штаба в Особый отдел ВЧК, Макшеев оказался задержан и попал в тюрьму⁹¹. Пленных порой отлавливали прямо на улицах. Так в январе 1921 г. был арестован в Москве (якобы по доносу, как бывший колчаковец) слушатель ускоренных курсов Академии, ранее служивший у Колчака, К.А. Звиргзд⁹². Позднее он был расстрелян.

Пленные белогвардейцы рассчитывали на снисхождение и даже щеголяли знанием различных советских законоположений и воззваний. К примеру, захваченный в плен 9 июня 1920 г. в районе станции Сальково генерал А.П. Ревшин писал из Бутырской тюрьмы в Политический Красный Крест, что

«при налете красной кавалерии на рассвете 9/VI на штаб 3-й кавал[ерийской] дивизии в д. Ново-Михайловка (на Сиваше), вышел без оружия к налетевшей кавалерии, почему вполне подхожу под декрет т. Ленина об полной амнистии за свою службу у белых. Причина выхода без оружия — воззвание Брусилова к офицерам.

Просил т. Брусилова исходатайствовать амнистию и назначить на Запад[ный] фронт по специальности; т. Сталина (который допрашивал меня в Харькове и принял в моей судьбе большое участие, поместив в отдельную комнату и привезя меня в Москву в своем поезде) просил о предоставлении военной или гражданской службы и ходатайства об освобождении. Прошу Красный Крест о переводе в лагерь для военнопленных и дать какую-либо работу. Ревшин»⁹³.

В другом заявлении Ревшин писал: «Я военнопленный, кроме вещей, находящихся на мне, у меня ничего нет, деньги у меня отобраны. Прошу сообщить в Тверь, набережная Волги, дом Гордеевой, Сергею Дмитриевичу Агокас мою просьбу переслать мне при первой возможности: одеяло, какую-нибудь маленькую подушку, полотенце, носки, носовой платок. Прошу передачу эту сделать через Полит. Красный Крест, так как меня могут перевести в другое место заключения. 27 июля [1]1920 г.». 10 августа 1920 г. датировано еще одно заявление бывшего генерала: «В виду невозможности заняться чем-либо в общей камере тюрьмы и желая продолжать изучение немецкого языка, прошу ходатайство о переводе меня в один из лагерей для военнопленных»⁹⁴. Однако эти просьбы не помогли, и Ревшин был расстрелян.

В 1920 г. в штаб советского Юго-Западного фронта был доставлен перебежчик из Русской армии П.Н. Врангеля некий поручик Яковлев, сообщивший о существовании тайной офицерской организации из 30 генштабистов различных штабов, стремившихся договориться о сдаче врангелевской армии красным под гарантию амнистии, причем потенциальным кандидатом в командующие такой армией назывался генерал Брусилов. До прибытия Брусилова армию должен был возглавить генштабист Соколовский⁹⁵. Насколько эти сведения соответствовали действительности, история умалчивает. Очевидно, на фоне массовых сдач предшествующего периода такая новость советскому руководству не казалась невероятной. В.И. Ленин в начале сентября 1920 г. серьезно отнесся к этой информации и потребовал приложить все усилия для организации сдачи белых. В частности, было выпущено соответствующее воззвание к белым за подписью Брусилова, всерьез готовившегося осенью 1920 г. в соответствии с предложением заместителя председателя РВСР Склянского занять странный пост командующего армией военнопленных⁹⁶.

Однако не прослеживается влияние на сдачу в плен генштабистов знаменитого воззвания группы старых генералов — членов Особого совещания при главкоме во главе с Брусиловым от 30 мая 1920 года. Массовые сдачи офицеров в плен на Востоке России относятся к рубежу 1919—1920 гг., а на Юге России — к периоду оставления белыми Новороссийской области в феврале—марте 1920 г. и эвакуации с Кавказа весной 1920 года. В меньшей степени подобные явления относятся к разгрому Врангеля в Крыму осенью 1920 г., когда из Крыма смогли эвакуироваться практически все генштабисты, которые хотели это сделать.

В ходе печально известных крымских расстрелов конца 1920 г. погибли генералы И.М. Васильченко и Н.А. Крутиков. Возможно, расстрелян был и генерал И.В. Свирчевский. Вместе с тем нельзя сказать, что все пленные были обречены. Практиковался избирательный подход, порой учитывавший сложную и переменчивую обстановку гражданской войны. Об этом говорит судьба генштабиста Г.Д. Суходольского, попавшего в плен к белым, а затем к красным. Суходольский был арестован 20 марта 1920 г. Особым отделом Кавказского фронта, но 8 апреля 1920 г. приказом по следственной части Особого отдела Кавказского фронта был признан невиновным, причем в документе отмечалось, что

«Особый отд[ел] Кав[казского] фронта, рассмотрев дело по обвинению в вооруж[енной] борьбе против советск[ой] власти Суходольского Геннадия, нашел:

1) Дело направлено из штаба Кав[казского] фронта при записке коменданта штаба.

2) Суходольский Геннадий, бывший полковник Генштаба, в продолжении 1 года и 4 месяцев занимал ответств[енные] посты в оператив[ных] отделах Крас[ной] армии, пользуясь доверием высшего комсостава и исполняя свои обязанности добросовестно.

3) Суходольский попал в плен к белым при обстоятельствах весьма вероятных, так как падение Курского укрепрайона произошло чрезвычайно неожиданно.

4) Суходольский вполне мог бы отступить с белыми, чего он, однако, не сделал, а добровольно передался пришедшим частям т. Буденного.

5) По общему смыслу показаний обвиняемого, обстоятельства, сопровождавшие его пленение, правдоподобны.

А посему, руководствуясь революционной целесообразностью и сознанием долга, постановил: Суходольского Геннадия признать невиновным и направить его в ряды Красной армии»⁹⁷.

Однако Суходольский, несмотря на такой документ, в 1920 г. был арестован повторно на курсах для бывших белых офицеров и осенью 1920 г. отправлен в Архангельск.

По одному из свидетельств, отношение к пленным колчаковским офицерам в советской России было лучше, чем к деникинцам, поскольку пленные с Восточного фронта считались мобилизованными белыми, тогда как ветераны южнорусского белого движения — идейными добровольцами. На все это влияло более суровое отношение белых к пленным красноармейцам, практиковавшееся на Юге⁹⁸. Однако отношение к генштабистам было противоположным: именно колчаковские генштабисты при попадании в плен в наибольшей степени подверглись различным репрессиям. При большей численности взятых в плен на Восточном фронте в сравнении с Югом России в Красной армии оказался меньший их процент.

Практика ВЧК в подобных делах хорошо прослеживается по документам. Бывший деникинский полковник Н.А. де Роберти приехал в Москву самостоя-

тельно в штабном вагоне 10 июня 1920 года. На следующий день он был арестован. Обвинений предъявлено не было, допросов не проводилось. Арестант предполагал, что репрессии последовали из-за принадлежности к бывшим белым офицерам. Вот как описывал он сам свое участие в гражданской войне и арест:

«По мобилизации служил в Добр[овольческой] армии с конца августа 1918 г. по июнь 1919, когда, вследствие различных несогласий, был отчислен от должности нач[альника] штаба 1-й дивизии и был под следствием и судом, но дело закончилось по докладу Главн[ой] воен[ной] прокуратуры, ввиду обнаружения явного пристрастия, неутверждением. Когда была эвакуация Добр[овольческой] армии в Крым, отказался от эвакуации, имея в виду остаться в Новороссийске, и по прибытии туда Кр[асной] армии зарегистрировался. В апреле переболел сыпным тифом, по выздоровлении был опрошен в ЧК и, ввиду обстоятельств добровольного оставления, не был арестован, а был командирован в Екатеринодар в Особ[ый] отдел 9-й армии, где вновь допрашивался и также вследствие выяснившихся обстоятельств не был задержан, подобно отдельным пленным офицерам, а получил на руки предписание ехать в Москву и экстр[енный] отзыв для самостоятельного следования. Собираясь ехать, был в числе остальных пассажиров в вагоне арестован и, по выяснении полной непричастности к какому-то делу, отпущен и отправился в Москву, куда прибыл 10 июня. На следующий день, т.е. 11-го числа, явился в ВЧК и там, неожиданно для себя, был арестован, как было сказано, для допроса и через сутки препровожден в Бутырскую тюрьму. Допроса еще не было. Полагаю, что арестован вообще как бывший белый офицер, но прошу содействия в смысле моего допроса, дабы выяснить более подробно вышеизложенное»⁹⁹.

Де Роберти направил письма председателю Особого совещания при главкоме Брусилову и председателю ВЧК Ф.Э. Дзержинскому.

Письмо Брусилову повторяло заявление в Политический Красный Крест. В обращении на имя Дзержинского де Роберти писал:

«Я вполне понимаю, что нельзя претендовать на свое задержание, т.к. необходимо разобраться в обстоятельствах как прежней службы, так и причины, обусловившие нахождение здесь бывших офицеров, но я прошу вас прочесть нижеследующее... Прошу вашего распоряжения о моем допросе, на коем выяснится, что я, полковник Генер[ального] штаба, имевший полную возможность эвакуироваться в Крым, предпочел остаться, дабы служить в советской республике и принести ей посильную помощь своей спец[иальной] подготовкой и знаниями. Это мое решение было продиктовано различными соображениями, из них первым было разочарование в задачах Добр[овольческой] арм[ии]»¹⁰⁰.

Часть арестованных офицеров не подвергалась репрессиям, но их положение и на свободе оставалось тяжелым. А.С. Ролько писал в Политический Красный Крест 4 января 1922 г., после освобождения: «29 декабря я выпущен из тюрьмы. До сего времени я не устроился, т.к. много формальностей. Угол я имею, но пищу получаю ежедневно — 1/2 фунта хлеба и суп. Это всего лишь раз в день. Я очень ослаблен, и такое питание меня ослабляет. Прошу помочь мне выдачей продуктов на несколько дней. А. Ролько»¹⁰¹.

По завершении активной фазы гражданской войны в конце 1920 г. вводились разнообразные ограничения в отношении службы в РККА бывших белых, коснувшиеся и пленных генштабистов. В 1921 г. в Штабе РККА отмечалось, что бывших белых нужно избегать использовать на ответственной работе. На основании упомянутого приказа РВСР от 11 января 1921 г. и приложенных к нему временных правил все генштабисты из числа бывших офицеров белых

армий подлежали использованию только в Главном управлении военно-учебных заведений и в академии Генерального штаба ¹⁰²: военное руководство стремилось не допустить установления ветеранами антибольшевистской борьбы своего контроля над Красной армией. Затем началась демобилизация, коснувшаяся в соответствии с приказом РВСР от 24 мая 1921 г. бывших белых офицеров — как нежелательного в РККА элемента ¹⁰³. Вместе с тем в приказе имелся и подпункт о том, что специалисты с высшим военным образованием должны оставаться на службе. Некоторые пленные генштабисты прослужили в РККА сравнительно короткий промежуток времени. С 1921 г. пленными стали увольнять из РККА в порядке демобилизации бывших белых. 9 октября 1921 г. был издан секретный приказ РВСР № 2289/396, согласно которому допускались отдельные увольнения нежелательных или бесполезных в РККА лиц с высшим военным образованием, служивших в белых армиях ¹⁰⁴. В этот период были уволены, например, бывшие подполковник-колчаковец Н.Н. Белкин, штабс-капитан колчаковец П.И. Газов, деникинский ротмистр Н.Н. Полетаев. В бессрочный отпуск тогда же был уволен и колчаковский полковник К.Г. Соломаха ¹⁰⁵.

Интересна градация, установленная в советской России в отношении слушателей сибирской Академии. По предложению первого помощника начальника Штаба РККА Шапошникова, одобренному 11 июля П.П. Лебедевым и С.С. Каменевым, тех, кто не окончил ускоренные курсы Академии в Сибири, следовало передавать на учет командного управления и поступать с ними, как и с прочими бывшими белыми офицерами. Окончивших же курсы считали генштабистами и зачисляли в ГУВУЗ на общих основаниях ¹⁰⁶, увольнять их не требовалось. Вместе с тем бывших колчаковцев в Красной армии не причисляли к Генеральному штабу и не переводили в него.

Немало генштабистов было захвачено в Закавказье в 1920—1921 годах. К пленным генштабистам национальных армий относились так же, как и к белым. Например, бывший полковник В.Н. Соколов был арестован 10 июня 1920 г. по ордеру Особого отдела 11-й армии «как лицо ком[андного] состава азербайдж[анской] армии и бывший офицер», причем помимо него арестован был также «почти весь командный состав азербайджанской армии» ¹⁰⁷. Арестованного доставили в Москву. Соколов обратился к председателю Особого отдела ВЧК с предложением своих услуг Красной армии. О своих злоключениях он писал в Политический Красный Крест:

«Вернувшись из России в Тифлис в ноябре м[еся]це 1918 г. я нашел там свою семью, которую не видел около года, в очень тяжелом положении: средств не было, второй ребенок на почве недостаточного питания был болен серьезной мозговой болезнью, от которой через 9 месяцев умер. Болезнь ребенка и отсутствие денег не давали мне возможности выехать в Россию, почему я был вынужден поступить на службу в Азербайджане.

С установлением в Азербайджане советской власти я добровольно остался служить в советской армии.

26 мая в г. Елизаветполе вспыхнуло восстание; я, как живший в татарской части, был захвачен восставшими, и мне ими было предложено присоединиться к ним. Я категорически, несмотря на угрозы быть убитым за отказ, отказался и передал свой отказ в письменной форме руководителям восстания, а копию передал для пересылки тов. Шевелеву, командовавшему советскими войсками. 6 дней я скрывался от преследования восставших вместе с группой сотрудников ГубЧК, которые по ликвидации восстания в городе единогласно свидетельствовали о моем отношении к восстанию, а тов. Шевелев получил своевременно копию моего отказа. За проявленную мною твердость, несмотря на серьезную опасность для моей жизни, я на следующий

же день после освобождения был назначен начальником штаба 20 дивизии, т.е. тех войск, которые подавляли восстание, и в течение 10 дней до своего ареста участвовал в крайне напряженной работе по ликвидации восстания в районе уезда. 10 июня телеграммой нач[альника] Особого отдела XI армии я был арестован, как служивший в азербайджанских войсках, и отправлен в Баку. Как выяснилось, О[собому] о[тделу] армии не было известно, что я не был причастен к восстанию и после восстания был назначен нач[альником] штаба 20-й сов[етской] дивизии. После допроса в Баку мне было сказано, что я, как специалист, должен быть отправлен в Москву для использования. Куда я и прибыл 18 августа. Василий Соколов»¹⁰⁸.

Пленных офицеров армянской армии Особый отдел 11-й армии, действовавшей в Закавказье, направлял в начале 1921 г. в концлагерь города Рязани. Среди них был и бывший генерал генштабист Д.И. Андриевский, позднее оказавшийся в эмиграции. В заключении по делу полковника П.П. Атаева, окончившего ускоренные курсы Генштаба Кавказского фронта, отмечалось (орфография документа сохранена):

«1920 года декабря 24 дня я, военный следователь Особ[ого] отдела XI армии Ковалев рассмотрел дело за №... командированных в Баку в шт[аб] армии XI из Главштаба ССР Армении 1. Атаева Петра Петровича 47 лет... по обвинению их как офицеров контрреволюц. дашнакского правительства. Нашел[:]

Атаев в 1896 году окончил Тифлисское военное училище, полковник. У дашнаков занимал должность н[ачальника] Инспекторского отдела военного [штаба] армянск[их] войск.

Все эти ответственные посты являлись ближайшими помощниками своего контрреволюционного правительства.

По восстановлении Соввласти в Армении остались на своих местах и были командированы в Баку в штаб армии для ознакомления с делопроизводством в Красной армии. Со своей стороны полагаю, что им как преспешникам дашнаков — дело строительства Советвласти вообще и Красной армии — чуждо, а поэтому, считая их противниками Советской власти, элементом вредным и неблагонадежным, полагаю необходимым заключить в Контрационный лагерь в г. Рязань.

Отобранные у них оружие и деньги и пр. конфисковать.

Военный следователь «подпись».

Резолюция: Утверждается. Деньги и отобранное вернуть тем же.

Начособотдела армии XI Панкратьев. 21/ХП 20 г.»¹⁰⁹

Сохранилось датированное 3 февраля 1921 г. коллективное прошение группы армянских офицеров, в том числе Атаева, уже из Рязани в ГубЧК. В этом документе описаны мытарства пленных:

«После советизации Армении прибыл в г. Эривань командарм XI Геккер и, видя незнакомство комсостава Главштаба ССР Армении с постановкой дела в штабах Красной армии, предложил командировать в штаб XI армии до 10 лиц комсостава Главштаба для изучения означенного дела и возвращения в Армению с целью инструктирования остальных лиц комсостава штабов.

Нарком по военным делам ССР Армении выбрал нас — 6 лиц комсостава Главштаба из числа наиболее трудоспособных и не служивших никогда в белых войсках Деникина, Колчака, Врангеля и др. и не принимавших никакого участия, ни активного, ни пассивного, в антибольшевистской борьбе, и командировал нас в гор[од] Баку в штаб XI армии, снабдив всеми необходимыми документами за подписью наркомвоендела Аvisa Нуридзяна и комиссара РСФСР при командарме ССР Армении тов. Силына [?].

Выехали мы из Эривани 14 декабря прошлого года и прибыли в г. Баку 21 декабря, где в тот же день явились в штаб XI армии. В штабе в первый день к нам отнеслись очень внимательно, как [к] командированным лицам дружественной и союзной державы, прикомандировали к штабу и обставили возможными удобствами, а на другой день пригласили в штаб и отправили в Особый отдел штарма XI. Здесь после заполнения анкетных листов и допроса следователем нас заключили под стражу, как нам заявили, на время фильтрации. Через 5 суток, 27 декабря, нас отправили к этапному коменданту... в Баку (далее фрагмент утрачен. — А.Г.)...

Еще через 5 суток, 1 января с.г., нас отправили на вокзал, где комендант Особого отдела нам заявил, что нас отправляют в распоряжение Рязанского губернского комиссариата для назначения по специальности в части Красной армии.

12 января с.г. мы прибыли в Рязань, где нас заключили в концентрационный лагерь принудительных работ, где нас, по-видимому, относят к категории военнопленных.

Поэтому считаем долгом довести до вашего сведения, что мы никогда не служили в белых войсках Деникина, Колчака, Врангеля и других, а служа все время в войсках Армении, никакого участия не только активного, но и пассивного в антибольшевистской борьбе не принимали, а после советизации Армении мы с полной охотой остались служить в Красной армии ССР Армении. Советское военное начальство Армении, проверив нашу прошлую службу, нашло ее незапятнанной, поэтому вполне доверчиво отнеслось к нам и командировало нас для изучения штабного дела (с целью возвращения в Армению для инструктирования остальных штабных работников); ясно, что если бы наше военное начальство считало нас контрреволюционерами, то оно само арестовало бы нас и никуда бы не командировало; факт самого командирования доказывает, что мы контрреволюционерами не были и являемся ярыми сторонниками советской власти.

Ввиду изложенного просим не отказать в распоряжении о скорейшем рассмотрении и разрешении нашего дела и, если нет особых препятствий, командировать нас во Всероссийский Главный штаб, дабы дать возможность выполнить задачу нашего командирования.

Петр Атаев, Ашот Тониев, Срапион Хачатурян, Гарегин Мусаелян, Гар. Тер-Никогосов, Дей-Карханов Вартан»¹¹⁰.

Как видно из документа, эти офицеры не считали себя военнопленными и тщетно пытались протестовать¹¹¹.

В конце гражданской войны, в 1921—1922 гг., когда случаи пленения офицеров уже стали редкостью, над отдельными группами пленных проводились показательные судебные процессы. Широкую известность получил процесс генерала А.С. Бакича и его соратников, сдавшихся в плен в Монголии и на территории Урянхайского края в конце 1921 года. Процесс этот проходил в Новониколаевске в мае 1922 года. По этому делу проходили несколько выпускников Академии: генерал И.И. Смольнин-Терванд, полковник С.И. Костров, подполковники М.Т. Евстратов и В.Н. Троицкий, причем Смольнин-Терванд был приговорен к расстрелу, а остальные к различным срокам заключения.

Трагична судьба профессоров старой Военной академии, оставшихся после окончания гражданской войны во Владивостоке. В начале декабря 1922 г. академия по распоряжению новых властей отправилась в Москву, куда и прибыла в феврале 1923 года. По пути в Москву в Красноярске пожилые профессора Б.М. Коллюбакин, Г.Г. Христиани и А.И. Медведев были арестованы. Не выдержав условий содержания, все трое вскоре скончались.

12 апреля 1922 г. было издано постановление Всеукраинского ЦИК об амнистии бывшим генералам, командующим армиями, сражавшимися против советской республики, всем членам самозванных правительств и членам ЦК

антисоветских партий. Всем этим категориям лиц въезд на территорию УССР разрешался — «при действительном проявлении ими искреннего раскаяния»¹¹². Как на практике определялось такое раскаяние — неясно. К этому времени чекисты стали широко использовать провокационные действия в отношении бывших белых офицеров. Еще в начале гражданской войны стало ясно, что заговоры проще предупредить, арестовав потенциальных заговорщиков, чем дожидаться их реального возникновения. Провокаторы предлагали бывшим офицерам вступить в подпольную организацию. Искали бывших белых, скрывавшихся от власти, и контрразведчиков¹¹³. Подобная деятельность не только позволяла выявлять противников режима, но и заставляла «бывших» с опаской воспринимать приглашения в реальные подпольные организации.

Отношение генштабистов, служивших у большевиков, к своим прежним товарищам, попавшим в белые армии, а затем взятым в плен и поступившим в РККА, не могло быть однообразным. Многое зависело от прежней совместной учебы, службы, дружеских или даже родственных связей. При этом «коренные» генштабисты РККА должны были испытывать определенные опасения — не потеснят ли их бывшие белые, не займут ли более значимые посты, отодвинув тех, кто с самого начала отдавал свои силы и знания на пользу советской России. В начале 1924 г. бюро партийных ячеек Военной академии РККА направило в ЦК РКП(б) доклад, в котором содержалась жалоба на засилье спеццов в армии. Особо отмечалось значительное увеличение, в сравнении с периодом гражданской войны, численности бывших офицеров Генерального штаба, что мешало красным генштабистам становиться во главе армии¹¹⁴. Понятно, что подобное увеличение было возможно только за счет пленных.

Многие захваченные красными в плен офицеры-генштабисты, оказавшись в рядах РККА, действительно зарекомендовали себя в новой армии с самой лучшей стороны. Одной из причин могло быть стремление выслужиться и избежать репрессий. Например, ветеран украинских армий Какурин блестяще проявил свои способности в советско-польской войне; с 24 октября 1920 г. ему было доверено командование 3-й советской армией. В 1921 г. Какурин вступил в РКП(б) и в том же году за участие в подавлении антоновского восстания был награжден орденом Красного знамени. Подобное награждение для военспецов всего за год до этого перешедшего к красным из лагеря украинских националистов, где он занимал ответственные посты, было явлением беспрецедентным. В 1922 г. Какурин был награжден бухарским орденом Красной звезды 1-й ст. за руководство войсками Бухаро-Ферганского района в борьбе с басмачами. Также Какурин получил золотые часы от тамбовского губвоенкомата и от Бухарского ЦИК.

Высокие должности в РККА занимал и бывший колчаковский капитан М.И. Василенко, в 1919—1920 гг. командовавший 11-й, 9-й и 14-й армиями и впоследствии награжденный орденом Красного знамени (ранее он состоял в партии левых эсеров).

Заслуживает внимания вопрос о численности взятых в плен и затем поступивших в РККА генштабистов антибольшевистских армий. По данным на начало 1921 г. в РККА числились 22 таких генштабиста с опытом пребывания на должностях от начальников бригадных штабов и выше. Всего же из 558 выпускников Военной академии на апрель 1921 г. насчитывалось 77 бывших белых генштабистов. Из них лишь шестеро находились на ответственных должностях, а 20 считались непригодными к строевой службе¹¹⁵. Весной 1921 г. в ГУВУЗ планировалось перевести 59 бывших белых генштабистов¹¹⁶. На ноябрь 1921 г. только в военно-учебных заведениях Украины числились 25 бывших белых генштабистов и 18 бывших белых слушателей Академии, в военно-учебных заведениях РСФСР состояли еще 25 бывших белых генштабистов¹¹⁷.

К 25 ноября 1921 г. бывшие пленные генштабисты служили в полевых войсках (43 человека), в Штабе РККА, Военно-исторической комиссии и в инспекциях (3), во Всевобуче (4), в Военной академии РККА (6), в ГУВУЗе (16), в управлении военно-учебных заведений Украинской ССР (1), в Главном управлении коннозаводства (1), в РВСР (1); 9 человек находились под арестом. Всего на военной службе числились 84 пленных генштабиста¹¹⁸.

В РККА к апрелю 1921 г. оказалось не менее 57 бывших слушателей сибирской Академии. К 1 января 1921 г. ее выпускники служили на Западном фронте (1), в штабе помглавкома по Сибири (7), в Запасной армии республики (1), во Всероглавштабе (1), в ГУВУЗе (26), во Всевобуче (1), в 5-й армии и Восточно-Сибирском военном округе (10), в Харьковском военном округе (1). На 15 апреля 1921 г. они служили на Западном фронте (1), в штабе помощника главкома по Сибири (12), в Запасной армии республики и в Приволжском военном округе (2), в Петроградском военном округе (4), в Приуральском военном округе (1), в Харьковском военном округе (1), в 5-й армии и Восточно-Сибирском военном округе (10), в ГУВУЗе (25), во Всевобуче (1)¹¹⁹.

Очевидно, колчаковские генштабисты концентрировались в различных сибирских штабах, где их оказалось 22 человека, и в ГУВУЗе (25), что объяснялось в первом случае потребностью местных учреждений РККА в Сибири в квалифицированных кадрах, а во втором — неполным доверием бывшим белым, в результате чего их благоразумно держали на преподавательской работе, не поручая управление реальной вооруженной силой.

По данным Списка № 2 слушателей академии Генерального штаба сибирского правительства, состоящих на службе на фронтах и в центральных тыловых учреждениях к 16 июля 1921 г.¹²⁰, в РККА к этому времени служил 31 выпускник сибирской Академии: в штабе помглавкома по Сибири (4), в штабе ДВР (4), в штабе Приуральского военного округа (1), в Восточно-Сибирском военном округе (3), во Всевобуче (1), в Петроградском военном округе (4), в ГУВУЗе (13) и в Приволжском военном округе (1). По-прежнему большинство служило в ГУВУЗе и несколько меньше — в различных сибирских и дальневосточных штабах. По сведениям к 23 ноября 1921 г., в РККА оставалось 40 выпускников и слушателей сибирской Академии: в полевых войсках (23), во Всевобуче (1), в ГУВУЗе (16)¹²¹.

К сожалению, установить, сколько офицеров сдались добровольно, а сколько оказались захвачены в боях, не представляется возможным из-за отсутствия достаточного количества источников.

В советский плен слушатели и выпускники Николаевской военной академии в 1917—1922 гг. попадали не менее 450 раз (считая и повторные случаи). Исключая тех, кто побывал в плену у красных два и более раз, всего красными были пленены за гражданскую войну не менее 437 выпускников и слушателей Академии. Помимо них в плен попадали выпускники курсов Генштаба Кавказского фронта и даже иностранных военных академий (например, австрийские генштабисты, служившие в Украинской галицийской армии — В.В. Лобковиц, Г. Цириц). Не менее 57 пленных были казнены, не менее 75 прошли через аресты. Однако в 346 случаях (76,9%) пленные были приняты на службу в РККА, что свидетельствует об успехе целенаправленной политики привлечения большевиками себе на службу специалистов Генштаба даже из недавних врагов. При этом статистические отчеты фиксируют значительно меньшую одновременную их численность в РККА, что может объясняться как дефектами статистики, так и систематическим вычищением бывших белых генштабистов из армии.

Значимым показателем относительно либеральной политики красных в отношении пленных генштабистов представляется следующий факт. Среди плен-

ных выпускников академии насчитывалось не менее 138 человек, ранее уже успевших послужить в РККА, которые затем изменили красным и попали в антибольшевистский лагерь, после чего оказались в советском плену, были прощены и вторично приняты в РККА. Речь идет не менее чем о 31,6% всех плененных генштабистов. Их готовность сдать в плен могла сформироваться на основе положительного опыта прежнего пребывания в Красной армии. Такие офицеры, метавшиеся всю гражданскую войну между красными и их противниками, по сути, являлись профессиональными перебежчиками, менявшими место службы в зависимости от политической конъюнктуры и обстановки на фронте. Среди пленных насчитывалось не менее 141 генерала, 181 штаб-офицера и 111 обер-офицеров (воинские звания четырех офицеров установить не удалось). Таким образом, среди пленных заметно преобладали штаб-офицеры и генералы, а не наиболее многочисленная младшая категория офицерского состава — обер-офицеры. Это отражало условия гражданской войны, когда генштабовская молодежь быстро оказывалась в высоких чинах. Не менее 246 пленных обучались в Николаевской военной академии еще в мирное время и не менее 186 окончили ускоренные курсы в военных условиях.

Переходы генштабистов из лагеря в лагерь не были исключительным для гражданской войны явлением. Поток пленных и перебежчиков на сторону красных был очевидным образом связан с победами РККА. Большинство пленных генштабистов поступило в РККА в 1920 г., что неудивительно, так как тогда были разбиты основные белые армии Востока и Юга России, началась советизация Закавказья.

Чтобы оценить общий характер перемещений генштабистов между лагерями гражданской войны, стойкость военной элиты сторон, можно сопоставить данные о генштабистах — перебежчиках и взятых в плен — обеими сторонами. Из рядов Красной армии за годы гражданской войны бежали или попали в плен к противнику 34% генштабистов. Такой же процент перебежчиков к красным и пленных фиксируется в отношении колчаковских кадров (впрочем, там было существенно больше именно пленных, тогда как РККА теряла генштабистов, в основном, из-за сознательных перебежчиков). Сказывался невысокий боевой дух колчаковских генштабистов, среди которых было много выпускников ускоренных курсов, а также тяжесть и безвыходность их положения в 1919—1920 годах.

Меньшее количество пленных, взятых красными на Юге России, было обусловлено сравнительной моральной устойчивостью белых армий Юга и лучшей организацией их отступления и эвакуации. В абсолютном большинстве офицеры Генерального штаба, служившие у Врангеля, смогли уехать из России. Процент захваченных красными генштабистов на Юге (в том числе из украинских армий) определяется примерно в 15% служивших в этих армиях выпускников академии. Генштабисты, захваченные красными на Севере, составляли 21,9% «академиков», служивших там у белых.

Основной поток перебежчиков к белым и пленных приходился на 1918 г. и, в меньшей степени, на 1919 год. На Восточном фронте летом 1918 г. произошел переход к белым Военной академии с многочисленными слушателями и преподавательским составом. Однако к белым чаще переходили выпускники ускоренных курсов, тогда как красным в плен сдавались большей частью генштабисты довоенных выпусков. Переходы к белым совершались, как правило, осознанно и добровольно и были связаны с большим риском, на который легче шли молодые офицеры. К красным, наоборот, реже переходили добровольно. Попасть в плен с большей вероятностью могли представители старшего поколения генштабистов, не рассчитывавшие, например, физически преодолеть суровые условия отступления по безлюдным районам Сибири и в силу этого

сдававшиеся в плен. Сознательными перебежчиками нередко были именно молодые генштабисты.

У перебежчиков, переменявших фронт по несколько раз, могло формироваться легкомысленное отношение к переходу в тот или иной лагерь. Однако легкомыслие по отношению к большевикам было ошибкой, дорого обошедшейся многим.

Отношение к пленным было дифференцированным. Из общей массы выделялись специалисты Генерального штаба, остро необходимые красным. Принадлежность к Генштабу в ряде случаев спасала пленным жизнь, тогда как офицеров, не имевших высшего военного образования, могли расстрелять. Разумеется, подобная практика не относилась к убежденным противникам большевиков из генштабистов, с которыми беспощадно расправлялись, как, например, с генералом Перхуровым. Не относилась она и к случаям произвола на местах, которые нельзя назвать узаконенной практикой отношения к пленным.

Появление в рядах РККА категории бывших белых офицеров привело к возникновению новой для состава РККА группировки. При всей приниженности и шаткости положения таких людей, они стремились держаться вместе. Отношение к ним лояльных большевиков военспецов определялось, с одной стороны, подмоченной неверным выбором в гражданскую войну репутацией — общение с ними могло повлечь неприятности, а с другой — взглядом на них как на возможных конкурентов по службе ¹²².

Отношение властей и командования к ветеранам антибольшевистских армий отличалось недоверием — большим, чем вообще недоверие к военспецам. Несмотря на разнообразные декларации, Советская власть ничего не забывала и никого не прощала. Не случайно в советских анкетах вплоть до второй половины XX века требовалось заполнить пункты о службе в антисоветских армиях и нахождении на подконтрольной противникам красных территории ¹²³. В перспективе бывшие белые офицеры оказывались первыми кандидатами на увольнение или арест. Лишь в редких случаях им доверяли ответственные посты. Чаще всего их уделом становилась преподавательская работа, на которой они были более безопасны, поскольку не имели в своем подчинении никакой реальной силы. Несмотря на лояльность и отсутствие в среде бывших белых офицеров серьезных контрреволюционных устремлений, советские органы госбезопасности держали их под пристальным надзором. Но эти кадры принесли немалую пользу Красной армии. Как правило, они добросовестно служили на отведенных им постах. Репрессии начала и второй половины 1930-х годов положили конец советской службе для значительного числа некогда взятых в плен белогвардейцев.

Примечания

Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта 11-31-00350a2 «Военная элита в годы гражданской войны 1917—1922 гг.». Выражаю признательность Ф.А. Гушину за высказанные замечания по тексту статьи.

1. АБИНЯКИН Р.М. Бывшие офицеры — заключенные Орловского концентрационного лагеря. 1920—1922 гг. — Вопросы истории, 2010, № 11, с. 83.
2. Здесь и далее указываются прежние чины офицеров на украинской службе, даже если позднее в рядах белых армий они получили повышение или, наоборот, понижение, так как белые не признавали украинского производства и принимали таких офицеров на службу по их последнему чину в старой русской армии.
3. Ведомственный архив Службы безопасности Украины (Галузевий архів Служби безпеки України, ГАСБУ), ф. 6, д. 67093-ФП, т. 537 (616), л. 42—42об.
4. АНТОНОВ-ОВСЕНКО В. Записки о гражданской войне. Т. 3. М. 1932, с. 296; ФОМИН Ф.Т. Записки старого чекиста. М. 1964, с. 39—42. Данные о судьбе Баскова в различных документах расходятся. По одним данным, он действительно был расстрелян Киевской

- ЧК в конце марта 1919 г. (Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 6, оп. 4, д. 922, л. 39), по другим сведениям, пропал без вести при эвакуации красными Украины (там же, ф. 11, оп. 5, д. 69, л. 38). Сведения о расстреле находят себе подтверждение в том, что 23 августа (5 сентября) 1919 г. белые в Киеве выдали удостоверение вдове убитого большевиками Генштаба генерал-майора Баскова Вере Андреевне с сыном Борисом 14 лет и дочерьми Надеждой 13 лет и Верой 10 лет, которые отправлялись в Таганрог (там же, ф. 39694, оп. 1, д. 74, ч. 1, л. 361).
5. КАВТАРАДЗЕ А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917—1920 гг. М. 1988, с. 171.
 6. Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1920—1923 гг. Сб. документов. М. 2000, с. 71, 73.
 7. К 1 января 1921 г. в РККА на учете состояло около 12 тыс. бывших белых офицеров или 5,53% комсостава, в течение года на учет было принято еще 2390 человек (РГВА, ф. 4, оп. 1, д. 33, л. 45об.). К 1924 г. на особом учете состояло до 50 900 человек, впрочем, в это число входили и военные чиновники.
 8. РГВА, ф. 11, оп. 15, д. 7, л. 16.
 9. Подробнее о нормативно-правовой базе и практике особого учета см.: АБИНЯКИН Р.М. Особый учет бывших белых офицеров в Советской России и СССР в 1920-е гг. — Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки», 2010, № 3, ч. 1.
 10. РГВА, ф. 4, оп. 11, д. 2, л. 87.
 11. Там же, ф. 24380, оп. 7, д. 1318, л. 2об.
 12. Там же, ф. 185, оп. 3, д. 1191, л. 99об.
 13. Там же, ф. 7, оп. 2, д. 396, л. 105об.
 14. Там же, ф. 25892, оп. 3, д. 956, л. 164.
 15. Там же, ф. 185, оп. 3, д. 1191, л. 40об., 48—48об.
 16. Главнокомандующий Восточным фронтом.
 17. РГВА, ф. 185, оп. 3, д. 1191, л. 51—51об.
 18. Там же, л. 66.
 19. Среди этих пленных, в частности, были генерал-лейтенанты: главный начальник снабжений 2-й и 3-й армий Г.Н. Вирановский, состоящий при генерал-квартирмейстере Восточного фронта Д.И. Гнида; генерал-майоры: инспектор пополнений Восточного фронта В.И. Оберюхтин, начальник мобилизационного отдела Военного министерства Н.В. Шереховский, генерал для поручений при инспекторе пополнений фронта И.И. Смелов, начальник снабжений 1-й армии А.Г. Лигнау, генерал для поручений при штабе главнокомандующего Восточным фронтом Н.А. Воронов; полковники: начальник штаба 1-й армии А.С. Кононов, помощник начальника снабжений 1-й армии Н.Д. Молотов, начальник военных сообщений Восточного фронта Д.М. Супрунович, старший адъютант разведывательного отделения штаба 3-й армии М.Е. Терехов, начальник Челябинской инструкторской школы при 3-й армии М.И. Москаленко, подполковники: И.Г. Грузинский (в отставке), начальник штаба Партизанской группы Н.В. Соколов, начальник штаба тылового округа Г.К. Иванов, начальник разведки Уральской группы С.С. Дзюбенко, старший адъютант оперативного отделения штаба 2-й армии Е.Н. Сумароков, начальник штаба Волжской дивизии Б.А. Юрьев, начальник штаба 3-й Сибирской стрелковой дивизии П.К. Гренгаген, штаб-офицер для поручений при управлении генерал-квартирмейстера Восточного фронта Ф.М. Бредш; капитаны: начальник штаба 4-й Сибирской казачьей дивизии С.И. Ильин, обер-квартирмейстер штаба Волжской группы Б.Н. Пудвинский, начальник штаба 4-й Сибирской стрелковой дивизии И.А. Белоусов, старший адъютант по строевой части штаба 3-й стрелковой дивизии М.П. Базыленок, обер-офицер по разведке штаба Волжской группы есаул А.П. Колесников и другие (РГВА, ф. 185, оп. 3, д. 1191, л. 67, 70, 72—72об., 75—75об.).
 20. Там же, ф. 7, оп. 2, д. 396, л. 91.
 21. Там же, ф. 185, оп. 3, д. 1191, л. 303об.
 22. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. Р-8419, оп. 1, д. 233, л. 90.
 23. РГВА, ф. 11, оп. 5, д. 930, л. 148об.
 24. Там же, ф. 54, оп. 17, д. 387, л. 135об.
 25. Там же, ф. 185, оп. 3, д. 1191, л. 61, 64.
 26. Там же, ф. 11, оп. 5, д. 1010, л. 141об.
 27. Бахметевский архив Колумбийского университета (Bakhmeteff Archive, Columbia university, VAR). Konstantin Konstantinovich Akintievskii papers. Box 1.
 28. РГВА, ф. 185, оп. 3, д. 1191, л. 84.
 29. ГАРФ, ф. Р-5960, оп. 1, д. 57, л. 153.
 30. РГВА, ф. 54, оп. 17, д. 387, л. 151.
 31. Там же, л. 162об.
 32. ТИНЧЕНКО Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР: 1930—1931 годы. М. 2000, с. 92.
 33. РГВА, ф. 185, оп. 3, д. 1191, л. 126.
 34. Там же, л. 216.
 35. Там же, л. 288—290.

36. Там же, д. 1217, л. 23.
37. Там же, д. 1191, л. 253, 254, 256—258.
38. Там же, ф. 7, оп. 2, д. 396, л. 104—106.
39. Там же, ф. 6, оп. 4, д. 943, л. 65.
40. ГАРФ, ф. Р-8419, оп. 1, д. 216, л. 110об.
41. Там же, л. 114об.
42. Московское окружное военно-санитарное управление.
43. ГАРФ, ф. Р-8419, оп. 1, д. 216, л. 111—112об.
44. Там же, л. 118об.; Обречены по рождению... СПб. 2004, с. 181.
45. ГАРФ, ф. Р-8419, оп. 1, д. 245, л. 2—2об.
46. Там же, д. 233, л. 90об.
47. Там же, д. 355, л. 60.
48. Там же, д. 255, л. 38об.
49. В других показаниях он приводил иную дату — 16 мая 1920 г. (ГАСБУ, ф. 6, д. 67093-ФП, т. 151 (207), л. 55об.).
50. Там же, л. 47об.—48.
51. Там же, л. 74об.—75.
52. Там же, л. 56.
53. Там же, т. 141 (195), л. 129.
54. РГВА, ф. 11, оп. 5, д. 68, л. 137об. Курсы были закрыты по приказу РВСР от 11 января 1921 г., а их слушатели были переданы в резерв военных округов по месту нахождения курсов (там же, ф. 4, оп. 11, д. 2, л. 173).
55. Там же, ф. 11, оп. 5, д. 979, л. 157об.—158; ЕЛИСЕЕВ Ф.И. Лабинцы. Побег из красной России. М. 2006, с. 363, 372.
56. ГАРФ, ф. Р-5881, оп. 1, д. 327, л. 71, 71об.; ЕЛИСЕЕВ Ф.И. Ук. соч., с. 373.
57. ЕЛИСЕЕВ Ф.И. Ук. соч., с. 373—374, 376.
58. РГВА, ф. 4, оп. 11, д. 2, л. 173.
59. Там же, ф. 39352, оп. 1, д. 58, л. 124.
60. Там же, ф. 7, оп. 2, д. 396, л. 82.
61. Там же, ф. 4, оп. 11, д. 2, л. 174об.
62. Там же, ф. 11, оп. 5, д. 69, л. 34об.
63. Там же, ф. 4, оп. 11, д. 2, л. 222.
64. В мае 1926 г. в связи с трудностью учета бывших белых офицеров и военных чиновников и отсутствием необходимости в таковом был разработан проект перевода этой категории лиц на общий учет (там же, ф. 54, оп. 17, д. 389, л. 41).
65. Там же, ф. 4, оп. 1, д. 33, л. 45об.
66. Там же, оп. 11, д. 2, л. 173, 174.
67. СОКОЛОВ Б.Ф. Падение Северной области. — Архив русской революции (АРР), 1923, т. 9, с. 89, 64.
68. Государственный архив Архангельской области (ГААО), ф. Р-2851, оп. 6, д. 5, л. 7—8об.
69. БЕССОНОВ Ю.Д. Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков. Париж. 1928, с. 66.
70. ДАНИЛОВ И.А. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков. — АРР, 1924, т. 14, с. 81.
71. ГАРФ, ф. Р-5867, оп. 1, д. 97, л. 4об.; КРУЧИНИН А.С. «Я препровождаю Вам знаки ордена». — Военная быль, 1995, № 7 (136), с. 47—48.
72. Начальником штаба дивизии.
73. РГВА, ф. 6, оп. 4, д. 927, л. 223—223об.
74. ДАНИЛОВ И.А. Ук. соч., с. 82.
75. Отдел социально-политической истории Государственного архива Архангельской области (ОСПИ ГААО), ф. 1, оп. 1, д. 341, л. 96, 97об.
76. Жертвы политического террора в СССР. Компакт-диск. Изд. 4-е. М. 2007.
77. ТЕПЛЯКОВ А.Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК—ОГПУ в Сибири. 1918—1929 гг. М. 2007, с. 120.
78. РГВА, ф. 11, оп. 5, д. 979, л. 166.
79. Там же, ф. 7, оп. 8, д. 187, л. 35.
80. Там же, ф. 11, оп. 5, д. 979, л. 176.
81. Там же, ф. 6, оп. 4, д. 927, л. 284.
82. Там же, л. 198, 199.
83. Там же, ф. 11, оп. 5, д. 979, л. 106, 106об.
84. Великая Отечественная: Комкоры. Военный биографический словарь. Т. 1. М.—Жуковский. 2006, с. 657.
85. ГАСБУ, ф. 6, д. 67093-ФП, т. 54 (72), л. 27об. Публикацию протоколов допросов Какурина см.: ТИНЧЕНКО Я. Ландскнехт без страху і докору: військова кар'єра та доля Миколи Какурина. — 3 архівів ВУЧК—ГПУ—НКВД—КГБ (Київ), 1999, № 1-2 (10-11).
86. ГАРФ, ф. Р-8419, оп. 1, д. 197, л. 3об.
87. Там же, ф. Р-6559, оп. 1, д. 6, л. 182—183.
88. ГАСБУ, ф. 6, д. 67093-ФП, т. 250, л. 63об.

89. ЕЛИСЕЕВ Ф.И. Ук. соч., с. 330.
90. ГАСБУ, ф. 6, д. 67093-ФП, т. 250, л. 11, 70.
91. ГАРФ, ф. Р-8419, оп. 1, д. 317, л. 36об.
92. Там же, д. 353, л. 73.
93. Там же, д. 238, л. 15об.
94. Там же, л. 16—16об., 19.
95. ЛЕНИН В.И. Полн. собр. соч. Т. 51, с. 277, 452. Возможно, речь шла о белом разведчике подполковнике Н.Ф. Соколовском, позднее вернувшемся в советскую Россию из эмиграции.
96. БРУСИЛОВ А.А. Мои воспоминания. М. 2001, с. 303—304.
97. ГАРФ, ф. Р-8419, оп. 1, д. 253, л. 106об.
98. Там же, ф. Р-5881, оп. 1, д. 327, л. 65.
99. Там же, ф. Р-8419, оп. 1, д. 306, л. 36об.
100. Там же, л. 39—39об.
101. Там же, д. 355, л. 351.
102. РГВА, ф. 7, оп. 2, д. 396, л. 46.
103. Там же, л. 94.
104. Подробнее об увольнении бывших офицеров из РККА см.: АБИНЯКИН Р.М. Увольнение бывших офицеров из РККА в 1921—1934 гг. — Вопросы истории, 2012, № 2.
105. РГВА, ф. 54, оп. 17, д. 387, л. 45, 164об., 179об.
106. Там же, ф. 7, оп. 2, д. 396, л. 50, 52.
107. ГАРФ, ф. Р-8419, оп. 1, д. 356, л. 298.
108. Там же, л. 298об.
109. Национальный архив Армении (НАА), ф. 688, оп. 34, д. 4, л. 44—44об.
110. Там же, д. 17, л. 31—32.
111. Существует точка зрения, что отправка армянских офицеров в рязанский концлагерь представляла собой форму заложничества, причем обезглавливание армянских вооруженных сил увязывается с заигрыванием большевиков с кемалистской Турцией, а вина за высылку косвенно возлагается на азербайджанское советское руководство (МАРТИРОСЯН Г.А. Офицеры республики Армения в концлагере города Рязани. Рязань. 2002, с. 64—72, 81—82). Однако заложничеством эта высылка не являлась, а была скорее необходимой временной изоляцией (в связи с восстанием дашнаков в Армении в феврале—апреле 1921 г. офицеры, содержавшиеся в Рязани, не пострадали, в концлагере существовали оркестр, хор и драмкружок, заключенные могли выходить в город). По сведениям из доклада наркома иностранных дел ССР Армении А.А. Бекзаяна в ЦК РКП(б) с копиями В.И. Ленину, Л.Д. Троцкому и И.В. Сталину от 26 марта 1921 г., требование выслать офицеров из пределов Армении по своей инициативе выдвинул уполномоченный ВЧК Г.А. Атарбеков (Атарбекян) на заседании Ревкома и ЦК КП(б) Армении в январе 1921 г. (НАА, ф. 113, оп. 3, д. 7, л. 126). Впрочем, в Баку офицеров направляли еще в декабре 1920 г., что видно из публикуемых документов. С точки зрения интересов советской России, следовало устранить вероятность возрождения армянской национальной армии, и тем самым снизить военно-политический потенциал антибольшевистских выступлений. Последующие события, связанные с вооруженными выступлениями дашнаков и захватом ими Эривани в феврале—апреле 1921 г., вполне это подтвердили. Начальник штаба дашнаков Саркисбемян 11 марта 1921 г. сообщал командиру отряда (хмбাপету) Япону: «Чувствуем ужасную нужду в офицерах. Хороших обманым путем увезли в Баку, а среди оставшихся только 5% годны» (АМИРХАНЫАН Ш.М. Из истории борьбы за Советскую власть в Армении. Ереван. 1967, с. 124). После ликвидации выступления дашнаков, уже в мае 1921 г., часть высланных офицеров смогла вернуться в Армению и была амнистирована (НАА, ф. 114, оп. 2, д. 60, л. 38, 59—59об., 60, 61, 74, 101).
112. ГАРФ, ф. Р-8419, оп. 1, д. 367, л. 125.
113. Там же, д. 234, л. 1об.
114. Красная армия в 1920-е годы. Вестник Архива президента Российской Федерации. М. 2007, с. 93.
115. РГВА, ф. 7, оп. 8, д. 263, л. 27—28, 32.
116. Там же, ф. 6, оп. 4, д. 943, л. 42.
117. Там же, л. 80; ф. 7, оп. 2, д. 390, л. 7.
118. Там же, ф. 7, оп. 2, д. 390, л. 8, 13.
119. Подсчитано по: там же, л. 29; ф. 7, оп. 8, д. 263, л. 65.
120. Там же, ф. 7, оп. 2, д. 396, л. 123—123об.
121. Там же, д. 390, л. 11.
122. См., напр.: МИНАКОВ С.Т. Сталин и его маршал. М. 2004, с. 215.
123. Соответствующие пункты анкет выглядели следующим образом: «Находился ли на территории, занятой белыми в период гражданской войны, где, когда и работа в это время»; «Служил ли сам или родственники в белых и иностранных армиях в период гражданской войны, где, когда, последняя должность, чин, участие в боях против Красной армии»; «Был ли в плену в период гражданской войны».